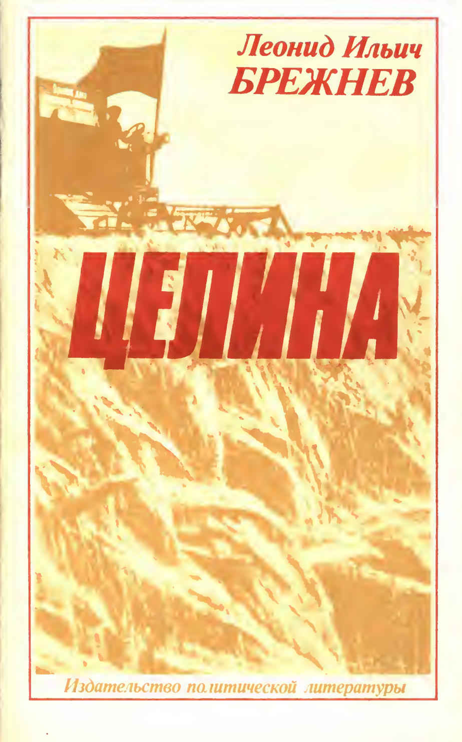

Леонид Ильич
БРЕЖНЕВ
ЦЕЛИНА
Издательство политической литературы

Леонид Ильич
БРЕЖНЕВ

ЦЕЛИНА

Москва
Издательство
политической литературы
1978

65.9(2)32
Б87

Брежнев Л. И.
Б87 Целина. М.: Политиздат, 1978.— 79 с.

Б $\frac{10202-418}{079(02)-78}$

65.9(2)32
333

1

Есть хлеб — будет и песня... Не зря так говорится. Хлеб всегда был важнейшим продуктом, мерилом всех ценностей. И в наш век великих научно-технических достижений он составляет первооснову жизни народов. Люди вырвались в космос, покоряют реки, моря, океаны, добывают нефть и газ в глубинах земли, овладели энергией атома, а хлеб остается хлебом.

Особое, трепетное, святое отношение к хлебу присуще гражданам страны с колосьями в гербе. Могу сказать, что смолоду оно ведомо и мне.

По отцу — рабочий, по деду — крестьянин, я испытал себя и в заводском, и в сельском труде. Начинал рабочим, но в годы разрухи, когда остановили надолго завод, пришлось узнать пахоту, сев, косовицу, и я понял, что это значит — своими руками вырастить хлеб. Вышел в землеустроители, работал в курских деревнях, в Белоруссии, на Урале, да и позже, когда опять стал металлургом, само время не давало забыть о хлебе. Вместе с другими коммунистами выезжал в села, бился с кулаками на сходах, организовывал первые колхозы.

Можно сказать: всего четыре года в начале трудовой деятельности целиком были отданы деревне. А можно иначе: целых четыре года. Землеустроителем начал работать в самом начале коллективизации, а на завод вернулся, когда она была в основном завершена. Эти годы — с 1927 по 1931 — равны эпохе в истории страны. Нарезая землю сельскохозяйственным артелям, мы сознавали, что не просто уничтожаем межи, но помогаем социалистическому переустройству села, перекраиваем весь тысячелетний уклад крестьянской жизни.

Говорю это к тому, что близки стали мне город и деревня, завод и поле, промышленность и сельское хозяйство. В Запорожье, о чем уже писал, основное внимание пришлось уделять восстановлению индустрии, но неустанных забот требовали и колхозные дела. В Днепропетровске город и деревня занимали в работе примерно равное время. В Молдавии на первый план вышло сельское хозяйство, но и промышленность, создаваемая там практически заново, тоже не давала забыть о себе. Так и шли эти заботы рядом, словно две параллельные линии, которым пересечься не дано, а для меня они пересеклись.

И сегодня на мой рабочий стол в Кремле регулярно ложатся сводки о ходе весеннего сева, о состоянии всходов, о темпах уборки. По давней привычке сам звоню в разные зоны страны и когда слышу товарищей с Кубани, из Приднепровья, Молдавии, Поволжья, Сибири, то уже по голосам чувствую, каков у них хлеб. Если, скажем, на целине до 15 июня не выпал дождь, знаю, что придется сбросить с урожая несколько центнеров. Если дождя не будет до конца месяца — сбрасывай еще... В такие минуты смотришь из окна на Москву, а перед глазами — бескрайние целинные поля, озабоченные лица комбайнеров, агрономов, райкомовцев, и, будучи далеко от этих дорогих мне людей, я снова ощущаю себя рядом с ними.

Целина прочно вошла в мою жизнь. А началось все в морозный московский день 1954 года, в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС. Сама проблема была знакома, о целине узнал в тот день не впервые, и новостью было то что массовый подъем целины хотят поручить именно мне. Начать его в Казахстане надо ближайшей весной, сроки самые сжатые, работа будет трудная — этого не стали скрывать. Но добавили, что нет в данный момент более ответственного задания партии, чем это. Центральный Комитет считает нужным направить туда нас с П. К. Пономаренко.

Суть в том, услышал я, что дела в республике идут неважно. Тамошнее руководство работает по старинке, новые задачи ему, как видно, будут не по плечу. В связи с подъемом целины нужен иной уровень понимания всего, что нам предстоит в этих обширных степях совершить.

Главное, что нам поручалось,— обеспечить подъем целины. Дело, я знал, предстоит чрезвычайно трудное. И прежде всего надо найти правильное решение организации выполнения столь важной задачи. Речь шла не только о подъеме зернового хозяйства одной республики, а о кардинальном

решении зерновой проблемы в масштабах всего Советского Союза.

Уже осенью на целине надо было взять хлеб! Непременно нынешней осенью!

Итак, жизнь моя опять, в который уж раз, круто повернулась.

30 января 1954 года состоялось заседание Президиума ЦК, обсудившее положение в Казахстане и задачи, связанные с подъемом целины. Через пару дней я вылетел в Алма-Ату.

В ту пору не думал, что через столько лет почувствую необходимость рассказать об этом незабываемом для меня периоде жизни. Не боясь повториться, скажу, что и на целине никаких записей или дневников опять же я не вел. Не до того было, но жалеть об этом, думаю, не стоит.

Вспоминаю послесловие В. И. Ленина к книге «Государство и революция». Он пишет в этом послесловии, как начал было готовить еще одну главу, да времени не хватило — помешал канун Октября. «Такой «помехе» можно только радоваться...— замечает с юмором Владимир Ильич,— приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать». Эти ленинские слова наказ всем нам.

На целине миллионы советских людей продолжали делать опыт революции, умножали в новых исторических условиях ее завоевания, творили живой опыт победоносного строительства развитого социализма. Поэтому мне навсегда остались памятными и дорогими годы, безраздельно отданные этой земле.

В Алма-Ате мне довелось быть впервые. Но я с каким-то очень теплым чувством осматривал город. Он давно уже был для меня близким, я заочно любил его так же, как Каменское, Днепропетровск или Запорожье.

Мне, как многим фронтовикам, не сразу удалось найти адрес, по которому были эвакуированы в тыл мои близкие. Восемь долгих, тревожных месяцев прошло до той поры, когда меня нашло на фронте первое письмо от жены с обратным адресом: Алма-Ата, улица Карла Маркса, дом 95. Из этого письма я узнал фамилию людей, приютивших мою семью,— Байбусыновы Турсув Тарабаевич и его жена Рукья Яруловна. Нашел их домишко, похожий на тысячи других в тогдашней, почти сплошь одноэтажной Алма-Ате. Жена писала во время войны, что летом дом утопал в зелени деревьев, а под окошком тихо журчал арык. Но теперь стоял февраль, арык был пуст, а голые, мокрые от наступающей оттепели деревья роняли с ветвей капли влаги. Почему-то сразу остро,

почти зримо вспомнились многие дни войны. Зайти? Надо же сказать спасибо доброй казахской семье, поклониться стенам, в которых вместо четырех человек дружно прожили в те трудные годы семеро. Но я решил подождать жену и, если удастся, зайти сюда вместе.

Пошел дальше по улицам, зная, что это лучший способ составить первое впечатление о городе, где предстоит жить и работать. Заглянул на базар, который многое может сказать опытному взгляду. Это ведь своего рода барометр хозяйственной жизни любой местности, зеркало обычаев, традиций ее населения. Алма-атинский базар, шумный, многолюдный, пестрый, дал мне немало поучительных сведений. Весь колоритный облик города пришелся по душе.

Как-то так вышло, что жить в нем пришлось по разным адресам. Вначале поселили за городом, в доме отдыха, километрах в пяти от знаменитого ныне катка Медео (тогда его не было). Место исключительной красоты. Сады, дорожки, чистый воздух, говорливая речка, бегущая с гор. И сами горы рядом — темнеют синевой, сверкают снежными вершинами. В последний приезд в Казахстан, в сентябре 1976 года, я заглянул в этот дом отдыха, решил найти свою комнату, уверенно поднялся на второй этаж, отыскал знакомую дверь и начал рассказывать спутникам, что вот у этого окна был рабочий столик, а сбоку — диван...

— Нет, Леонид Ильич,— улыбнулась сестра-хозяйка.— Вы ошиблись на целых две двери.

Этот случай говорит не столько о несовершенстве человеческой памяти, сколько о быстроте перемен. Не только дом отдыха, сильно перестроенный,— вся сегодняшняя Алма-Ата совсем не похожа на прежнюю. Теперь это огромный, современный, почти с миллионным населением город, красивый и своеобразный. Он строится с размахом, по хорошо продуманному плану и, я бы сказал, с любовью. Здесь не увидишь унылых, однообразных кварталов, архитектура новостроек оригинальна, ни одно крупное здание не повторяет другое.

Каждый раз, прилетая сюда, говорю старым друзьям: «Вот снова приехал к вам как к близким людям!» Когда в Алма-Ату перебралась моя семья, поселились мы в деревянном домике крестьянского типа все там же, в Малом ущелье. Дом теперь снесен. Затем переехали в центр, на улицу Джамбула, в экспериментальное здание из песчаных плит. Видимо, не очень они были прочны — здание не сохранилось. Нет и домика, приютившего мою семью в годы войны,— на том месте бьют сегодня веселые струи большого фонтана. И только

один дом, на углу улиц Фурманова и Курмангазы, уцелел и поныне. Но в нем пришлось жить лишь в последние месяцы работы в Алма-Ате.

А тогда, в начале февраля 1954 года, едва осмотревшись на новом месте, я должен был присутствовать на пленуме ЦК Компартии Казахстана. Должен сказать, о делах в республике многие ораторы говорили на нем самокритично и резко. Мы с П. К. Пономаренко внимательно слушали, сами не выступали. Когда подошел момент выборов, представитель ЦК КПСС сообщил участникам пленума, что Президиум ЦК рекомендует первым секретарем избрать Пономаренко, а вторым — Брежнева.

Работали мы с П. К. Пономаренко рука об руку, добиваясь одной цели, забот и дел хватало обоим. Что касается меня, то я всегда ценил и уважал Пантелеймона Кондратьевича и как «главного партизана», руководившего всю войну народным сопротивлением в тылу врага, и как умелого организатора, надежного товарища.

В конце пленума, поблагодарив участников, он сказал всего несколько слов от имени нас обоих:

— Надеюсь, мы сможем оправдать ваше доверие. Будем работать и работать! Думаю, что уже через два года мы сумеем доложить Центральному Комитету о выполнении задач, возложенных нынче на казахстанскую партийную организацию.

Забегая вперед, скажу, что действительно ровно через два года, будучи уже первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, я доложил XX съезду КПСС о том, что великое задание партии по подъему целины выполнено с честью.

2

Громада дел навалилась на всех нас сразу. Сегодня, по прошествии лет, просматривая документы того времени, думаю, каким образом удавалось столько делать и везде поспевать? Но, видимо, так уж устроен наш организм, что приспосабливается даже к немыслимым перегрузкам — и нервным, и физическим. Снова вспоминаешь войну: люди там находились на пределе человеческих возможностей — недосыпали, недоедали, мокли в окопах, сутками лежали на снегу, бросались в ледяную воду — и почти не болели простудами и прочими «мирными» болезнями. Что-то подобное наблюдалось и на целине.

Мне уже приходилось сравнивать целинную эпопею с фронтом, с грандиозным боем, который выиграли партия и народ. Память войны никак не оставляет нас, фронтовиков, однако сравнение точное. Конечно, не было на целине стрельбы, бомбежек, артобстрелов, но все остальное напоминало настоящее сражение.

Чтобы начать его, надо было прежде, говоря все тем же военным слогом, перегруппировать силы, подтянуть тылы, и было это непросто. Вслед за пленумом состоялся VII съезд Компартии Казахстана, давший анализ состояния дел. Он признал работу Бюро и Секретариата ЦК прежнего состава неудовлетворительной.

Объясню почему. В краю богатейших природных возможностей, где насчитывались сотни колхозов, совхозов и МТС, где на полях работали десятки тысяч тракторов и комбайнов, где помимо пригодных для пахоты земель были миллионы гектаров сенокосов и пастбищ, производство зерна, мяса, хлопка, шерсти в сравнении с довоенным уровнем не росло, а порой даже падало. Удои молока были ниже, чем в 1940 году, зерновых собирали 5—6 центнеров с гектара, хлопка — всего 10 центнеров, картофеля — не более 60 центнеров с гектара.

К тому времени даже такие полностью опустошенные войной районы страны, как Кубань, Украина, Дон, восстановили разрушенное, стали наращивать урожаи и продуктивность животноводства. А тут, хотя 1953 год выдался в республике на редкость благоприятный, из-за бескормицы допустили падеж полутора миллионов голов скота. Держали его в лютые зимы под открытым небом, не имели даже примитивных кошар, говоря: «У нас всегда так было». Добавлю, что среди председателей колхозов многие имели начальное образование, а триста были попросту малограмотны.

Конечно, тяжелое состояние сельского хозяйства в Казахстане объяснялось и объективными причинами. Оно отражало запущенность этой важнейшей отрасли по всей стране, о чем прямо и откровенно было сказано партией на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года. Однако даже на общем фоне дела в Казахстане выглядели удручающе. Сложность состояла еще и в том, что некоторые местные руководители смирились с трудностями и действовали по принципу «куда кривая вывезет».

— Руководство такой большой республикой нам оказалось не по плечу,— говорил на съезде секретарь ЦК И. И. Афонов, непосредственно ведавший сельским хозяйст-

вом.— Мы не управляем событиями, а мечемся, как плохие пожарники. Тушим «пожары», которые без конца возникают то в одном, то в другом месте. Основная форма нашего руководства даже не бумаги, а уполномоченные.

После таких признаний уже не удивляло отсутствие какой-либо инициативы со стороны обкомов партии. Если кто и пытался поправить дело, то выглядело это довольно «оригинально». Скажем, Актюбинская область выступила с инициативой — создать полуторагодичный запас кормов для скота. Столь благородное дело одобрили, обязательство напечатали в газетах. Но любые почины должны, как известно, опираться прежде всего на внутренние силы, на неиспользованные резервы. В этом их главная ценность. Актюбинцы поступили иначе. Вслед за звонким обязательством отправили в Совет Министров Казахской ССР письмо: так, мол, и так, чтобы мы смогли выполнить обязательства, срочно дайте нам дополнительно триста тракторов, шесть тысяч тонн керосина, столько-то автола, солидола, запчастей. Словом, помогите нам стать героями, если не хотите оскандалиться вместе с нами.

Весь мой опыт руководящей работы — партийной, советской, армейской, хозяйственной — давно убедил: иждивенчество, желание поправить дело за счет других, словно лакмусовая бумажка, показывает, на что способен тот или иной товарищ. Поскольку нам предстоял подъем целины, то при обещанной всенародной помощи иждивенчество могло приобрести опасные размеры. Вот почему это явление я счел необходимым взять на особую заметку.

Мне не раз приходилось говорить о бережном отношении к кадрам. Разумеется, речь идет о людях, которые доказали на деле, что умеют работать. Речь идет не о всепрощении: работников неспособных, нечестных надо решительно заменять. Здесь же пришлось убедиться, что руководителей разных уровней в республике нередко выдвигали, так сказать, по приятельским признакам. Пресечь это следовало сразу, и мы с П. К. Пономаренко заняли жесткую позицию. А чтобы не было обиженных, заявляли об этом открыто и прямо. Так, уже в одной из первых своих речей — перед избирателями Алма-Аты в марте 1954 года — я говорил:

— В связи с огромными задачами, стоящими сейчас перед партийной организацией Казахстана, неизмеримо возрастает значение правильного подбора и расстановки кадров. VII съезд Компартии Казахстана вскрыл серьезные

недостатки и ошибки в работе с кадрами, свидетельствующие о том, что некоторые руководители, утратив чувство ответственности, подбирали работников не по деловым качествам, а по принципу личной преданности. Мы не можем мириться с этим. В республике имеется много вполне зрелых, опытных, подготовленных для выдвижения на руководящую работу людей, которые способны решить задачи, поставленные партией.

Подбирая волевых командиров, подтягивая тылы, мы с нетерпением ждали решения партии о начале подъема целины. И вот в самом конце февраля 1954 года начался исторический февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС, принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Великая битва в казахстанских степях началась. Она развернулась в огромном географическом районе. Северный Казахстан простирается с запада на восток на 1300 и с севера на юг на 900 километров. Общая площадь шести нынешних (раньше их было пять) областей, расположенных на этой территории,— Кустанайской, Целиноградской (бывшей Акмолинской), Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Тургайской и Павлодарской — превышает 600 тысяч квадратных километров. Это намного больше территории такого государства, как Франция. И вот на этом-то огромном пространстве предстояло распахать заново 250 тысяч квадратных километров плодородных степей — площадь, превышающую размеры всей Англии.

Целину поднимали не только мы, но и Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская и Омская области, Поволжье, Урал, Дальний Восток. Многим, вероятно, известно, что общая площадь освоенных в стране целинных и залежных земель составляет сейчас 42 миллиона гектаров. Из них в Казахстане вспахано 25 миллионов. И 18 миллионов гектаров из этого количества земли было поднято в казахстанских степях за 1954 и 1955 годы.

Цифры изумляют, но целина — это не только пашня. Это и жилье, школы, больницы, детсады, ясли, клубы, и новые дороги, мосты, аэродромы, и животноводческие постройки, элеваторы, склады, заводы — словом, все, что необходимо для нормальной жизни населения, для развитого современного сельскохозяйственного производства.

У меня нет возможности рассказать подробно, как это было — день за днем, событие за событием. О целине, о труд-

постях ее освоения, о подвигах и судьбах первоцелинников написано немало. Хочу напомнить лишь о главных направлениях нашей деятельности, о той стратегии и тактике, которой мы придерживались, чтобы целина с самого начала становилась такой, какой она стала теперь. Землеустройство новых и расширявшихся старых хозяйств; выбор мест для усадеб вновь создававшихся совхозов; прием и размещение сотен тысяч людей в совершенно пока не обжитой степи; огромное строительство сразу десятков, а затем и сотен совхозных поселков; подбор многих тысяч специалистов; создание из разнородной массы людей дружных, сплоченных коллективов; сам подъем целины и первый весенний сев... И все это приходилось делать не поочередно, а сразу, одновременно.

Чтобы читателю был ясен, например, масштаб работы по укреплению руководящих кадров на местах, которую следовало провести за очень короткий срок, скажу, что только в 1954 году были рассмотрены и рекомендованы кандидатуры для работы на целине более пятисот новых секретарей райкомов партии и секретарей первичных парторганизаций, тысячи председателей колхозов, агрономов, зоотехников, инженеров, механиков. Среди них немало было отличных местных работников, еще больше — приезжих. Огромную помощь оказали нам ЦК КПСС, союзные министерства, многие республики и области страны, щедро делившиеся с целиной своими кадрами.

Министерство совхозов СССР создало специальный штаб по отбору специалистов. Комнаты штаба напоминали вокзальные помещения, столько в них толпилось народу. Я выезжал в этот штаб и неделями с раннего утра до полуночи принимал людей. Сам я никогда не жалел времени на то, чтобы подробно, обстоятельно побеседовать с каждым, кто собирался выехать на целинные земли. Важно было, чтобы человек понял всю сложность и глубину замысла, проникся верой в задуманное дело и служил ему с полной отдачей сил. Знакомясь с людьми, я интересовался: с желанием ли едет человек, каков его опыт, здоров ли, не возражает ли против переезда семья. Не меньше было и встречных вопросов: когда ехать, сколько земли в совхозе, какая она, откуда прибудут люди, сколько выделяется техники, что захватить с собой на первых порах?

Тут же, в коридорах министерства, в перерывах между беседами будущие директора подбирали себе специалистов. Так образовывались знаменитые пятерки: директор, главный

агроном, главный инженер, инженер-строитель, главный бухгалтер. Впоследствии мы стали подбирать не пятерки, а шестерки руководителей — в «обойму» включался еще и заместитель директора по хозяйственной части, без которого, как показал опыт, трудно было решать важнейшую на целине проблему быта, расселения, питания, культурного обслуживания людей.

В моем кабинете в ЦК висела большая карта Казахстана. Точно так же как в былые времена на фронте я обозначал на картах расположение армейских частей, районы их действий и направления ударов, так и теперь на карте республики отмечал дислокацию сотен хозяйств и опорных пунктов. Кружками на ней были обозначены основные базы наступления — ближайшие к районам освоения города, станции, поселки, затерянные в необъятной степи. Зелено-красными флажками были отмечены старые колхозы и совхозы, также значительно расширявшие посевной клин за счет целины. А красными — усадьбы новых совхозов, которые еще предстояло создать. В 1954 году красных флажков на карте появилось 90. А к началу 1956 года — 337!

Обычно в воспоминаниях пишут, как директора совхозов вместе с главными специалистами ехали в степь, имея в кармане только приказ о своем назначении, номер счета в банке да печать. Приезжали, забивали в землю колышек с названием совхоза и начинали действовать... Верно, так оно и было. Но многие мои старые знакомые, отдавая дань романтике, забывают одну существенную деталь: колышек они забивали не где попало, а в строго обозначенном месте. И кроме приказа да печати в кармане, директора совхозов имели еще и портфели, а в них — карты земельных угодий и землеустройства новых хозяйств. Романтики на целине, как и трудностей, было хоть отбавляй. Однако нельзя представлять дело облегченно: приехали, мол, разбрелись по степи и давай всюду пахать, благо земли вокруг много.

У строителей есть такое понятие — нулевой цикл. Это работы, связанные с расположением здания на территории, сооружением его фундамента и подземных коммуникаций. Работа трудоемкая, со стороны мало заметная, но ее необходимо провести, прежде чем начать возводить само здание. В сельском хозяйстве с нулевым циклом можно сравнить землеустроительные работы, ибо землеустройство — это своего рода генеральный план, которым определяются контур и характер хозяйства, расположение и размер его полей, лугов, пастбищ, места для строительства усадеб, источники

водоснабжения и многое другое, очень важное для жизни и производства.

С первых дней в ЦК партии республики как бы сама собой образовалась оперативная рабочая группа по целине. Потом ее называли по-разному: кто рабочей, кто оперативной, кто республиканским целинным штабом. И действительно, ее деятельность напоминала фронтовой штаб. Мне его пришлось возглавлять. Группа эта не создавалась официально, в ней не было каких-либо специально выделенных людей, все они занимали свои обычные посты, но все были непосредственно связаны с сельским хозяйством. Кроме меня, в эту группу входили: секретарь ЦК по сельскому хозяйству Фазыл Карибжанович Карибжанов, заведующие сельскохозяйственным и совхозным отделами ЦК Андрей Константинович Морозов и Василий Андреевич Ливенцов, министр сельского хозяйства республики Григорий Андреевич Мельник и министр совхозов Михаил Дмитриевич Власенко, ряд других ответственных работников. Конечно, по делам целины в ЦК бывали сотни и сотни людей, но перечисленные товарищи составляли именно штаб, направлявший огромную работу.

Спешным и невиданным по своему размаху делом стал отвод земель под распашку. И если уж говорить о том, кто самым первым двинулся в бескрайние степи, то это были ученые, гидротехники, ботаники, землеустроители, агрономы. Их прежде всего хочется вспомнить добрым словом.

Плодородные земли не лежат сплошняком. Их нужно было найти, оценить, оконтурить, определить, какие из них пригодны под зерновые хлеба, какие под луга, пастбища. Почти треть территории Казахстана — 100 миллионов гектаров — пришлось изучить землеустроителям. Только Академия наук Казахской ССР создала и отправила в степи 69 комплексных экспедиций и отрядов. В изучении и оценке земель принимали участие специалисты академий, институтов и опытных станций всей страны. Тысячи почвоведов, ботаников, гидротехников, землеустроителей, агрономов России, Казахстана, Украины, Белоруссии обследовали 178 районов республики, выявили первоначально 22,6 миллиона гектаров пахотнопригодных земель. Эти земли в виде подробных карт почв, их растительного покрова, строго обозначенных водоисточников и сырьевых ресурсов для производства местных строительных материалов были ими представлены районным, а затем областным и республиканским организациям.

Я имел диплом землеустроителя. И как секретаря ЦК такой крупной республики, и как специалиста по землеустройству меня все это крайне интересовало. Ученые помогли быстро сориентироваться, определили на территории республики шесть хорошо выраженных природно-хозяйственных зон, дали четкие рекомендации, где следует сеять зерновые, где культивировать животноводство, где сочетать в комплексе и то и другое, где развивать поливное хозяйство.

В то время у меня состоялось немало приятных знакомств с казахстанскими товарищами. Я полюбил казахов еще на фронте. Это были обстоятельные, скромные люди, исполнительные и отважные бойцы и командиры. В минуты передышек между боями они очень тосковали по своей родине, по просторным ковыльным степям. Услышав, бывало, мелодичную и печальную песню казаха, подойдешь, спросишь:

— О чем поешь?

— Про степь пою. Про табун пою. Девушку вспомнил...

— О девушке можно тосковать. О доме тоже. А степь... Чем она хуже, эта вот украинская степь?

— Не хуже. Только наша — совсем другая степь...

И вот теперь, через годы, я с радостью вижу, какие выросли советские кадры казахской национальности. Среди них крупные партийные и хозяйственные работники, выдающиеся ученые, талантливые специалисты всех отраслей, замечательные мастера культуры.

Не могу не отметить, что казахи в целом, в подавляющем своем большинстве, с огромным энтузиазмом и одобрением встретили решение партии о распашке ковыльных степей. Подъем целины для казахов явился задачей нелегкой, ведь долгие столетия казахский народ был связан со скотоводством, а тут многим и многим предстояло сломать весь прежний уклад жизни в степях, стать хлеборобами, механизаторами, специалистами зернового хозяйства. Но у местных жителей хватило мудрости и мужества принять самое активное, героическое участие в подъеме целины. Казахский народ оказался на высоте истории и, понимая потребности всей страны, проявил свои революционные, интернационалистские черты.

Почти четверть века продолжается моя дружба с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Тогда он был президентом Академии наук Казахской ССР, и, естественно, нам пришлось познакомиться в первые же дни моего пребывания в Алма-Ате. По образованию горный инженер, специалист по цветным металлам, он не был человеком узкой сферы, мыс-

лил по-государственному, широко, смело, высказывал оригинальные и глубокие суждения об огромных ресурсах и перспективах развития Казахстана. Этот спокойный, душевный, обаятельный человек обладал к тому же твердой волей, партийной принципиальностью. Вскоре он стал Председателем Совета Министров республики, а ныне возглавляет партийную организацию Казахстана, является членом Политбюро ЦК КПСС.

Димаш Ахмедович (так по-дружески к нему все обращаются, в обиходе никто не употребляет его полного имени — Динмухамед) рекомендовал мне в качестве консультанта по целинным землям директора Института почвоведения Умирбека Успановича Успанова. Руководимый этим серьезным ученым институт располагал огромным материалом по почвенной характеристике Казахстана. Сотрудники этого института немало содействовали во всем, что касалось размещения новых совхозов.

С удовольствием вспоминаю и начальника управления землеустройства Министерства сельского хозяйства республики Василия Александровича Шереметьева. Это был оригинальный человек. И летом и зимой ходил без головного убора, в солдатской гимнастерке, в сапогах, с неизменной полевой сумкой на боку. За долгие годы работы в Казахстане он исходил его пешком вдоль и поперек, знал степи не на глазок, а, что называется, на ощупь. Совершенно незаменим был этот человек при выборе мест для центральных усадеб совхозов. Его полевая сумка представлялась мне сказочным кладом: из нее Василий Александрович извлекал карты, схемы, блокноты с названиями сотен речушек, урочищ, сопок, маловетреных мест, а также с множеством фамилий местных жителей, знатоков этой земли. Он неизменно требовал включать их в комиссии по созданию новых хозяйств, и старики-аксакалы охотно нам помогали.

Узнав, что я знаком с землеустройством, Шереметьев несказанно обрадовался и обращался ко мне как к коллеге, иногда даже несколько злоупотребляя этим, требуя вмешательства и в мелкие вопросы, которые можно было решить и без меня. Но нередко вмешательство требовалось. И серьезное. Однажды он прибежал ко мне взволнованный, с кипой землеустроительных карт, присланных, кажется, из Кокчетавской области:

— Смотрите, что делают! Пририсовали к старым землям новые площади без всякой характеристики полей. Звоню в район, возмущаюсь, а мне спокойненько отвечают: дескать,

чего шумите, землю пашем не первый год, вот наступит весна, сойдет снег, и сразу будет видно, где пахать.

Речь шла о колхозах, которым также нарезали новые земли для освоения. Люди там издавна работали в степи и, естественно, считали себя такими ее знатоками, что и не подступись. Надо было эту психологию преодолевать, бороться с упрощенным подходом и требовать, чтобы отбор целинных земель повсюду проводился строго научно.

Действовать надо было не только оперативно, но и глубоко, на века. Для столь благородной цели не приходилось жалеть времени и сил. Нередко оставаясь в ЦК до глубокой ночи, я еще и еще раз просматривал карты и обоснования по десяткам хозяйств, прежде чем они окончательно оформлялись решением Совета Министров республики и приказом Министерства сельского хозяйства СССР.

Известно, что 1954 год принес, если учесть немалую долю существовавших кое у кого сомнений, огромный успех в освоении целины. Вместо 13 миллионов гектаров в стране было вспахано 19 миллионов. Перевыполнил план подъема земель и Казахстан. Надо ли говорить, как это окрылило, какую вселило уверенность в начатом деле. Обобщив первый опыт и взвесив возможности страны, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли новое постановление «О дальнейшем освоении целинных и залежных земель для увеличения производства зерна». Казахстан должен был создать дополнительно еще двести пятьдесят новых совхозов.

Первые девяносто совхозов, образованные в 1954 году, так или иначе расположились на более удобных землях, поближе к железным дорогам и по берегам рек, где они имелись. Теперь надо было идти в глубину безбрежной степи. Наши задачи еще более усложнились, затруднен был сам выбор земель под распашку. Возникли противоречия, если хотите, борьба разных точек зрения.

Вспоминаются баталии, которые пришлось нам выдержать вокруг двух областей. Союзное министерство сельского хозяйства считало, что в Актюбинской области вообще не следует распахивать ничего, ибо земля там якобы для выращивания хлеба непригодна. Напротив, когда в Карагандинской области местные товарищи предложили поставить восемнадцать совхозов на малопродуктивных землях, их «начинание» было безоговорочно поддержано. Я позвонил в Москву министру, сказал, что это явная ошибка, но тот назвал карагандинцев патриотами и передовиками, а заодно, видимо

в запале, обвинил руководителей северных областей, где резервы целины действительно были невелики, в консерватизме и прочих смертных грехах.

Такая словесная полемика — без цифр, резонов, доводов — бессмысленна. Я вылетел в Актюбинскую область, встретился со специалистами, убедился на месте, что плодородные земли имеются. Настоял, чтобы туда немедленно направили комплексную экспедицию ученых. Они честно поработали и выявили 1,7 миллиона гектаров хороших пахотнопригодных земель. Побывав в Караганде, я также без труда убедился в нашей правоте. Еще раз уверился в том, что сельское хозяйство требует научного, а не волюнтаристского подхода.

В Алма-Ате проведено было совещание секретарей обкомов и председателей облисполкомов республики. ЦК Компартии Казахстана специально поставил на обсуждение вопрос «Об итогах отбора земель для новых совхозов». В заключение я говорил тогда (привожу сказанное по сохранившейся стенограмме):

«У нас проведена колоссальная работа по отводу земель. Найдено и оконтурено около 9 миллионов гектаров. Однако работа еще не завершена. Возникают на этой почве — в данном случае говорю о почве и в переносном, и в буквальном смысле — споры с Министерством сельского хозяйства, от которых мы на сегодня не отказываемся. Будем отстаивать свои позиции и надеемся их защитить. Нам кажется, что Караганда все-таки не разобралась в своих почвах. Предложено организовать 18 совхозов. Вроде много. Но план их размещения нельзя поддержать, ибо земли выбраны неподходящие. В то же время в ряде районов области, которые я сам посетил, есть хорошие земли, на которых и следует строить совхозы».

Пишу так подробно об обследовании степи, об отводе мест для новых хозяйств потому, что нулевой цикл подъема целины имел громадное значение. От этого зависела дальнейшая судьба распаханной земли и всей будущей жизни на ней.

3

Первая целинная весна запомнилась по-разному: и радостной, и торжественной, и до предела напряженной, трудной. Степь оказалась крепким орешком, более крепким, чем представлялось сначала. Дело не только в том, что вековая

дернина, пронизанная, словно проволокой, корневищами, была так плотна, что едва поддавалась плугу. А еще и в том, что на казахстанской целине практически не бывает весны в обычном понимании. Особенность здешнего климата такова, что зима как бы сразу переходит в лето. Буквально следом за растаявшими снегами наступает жара, дождей в мае практически не бывает, земля быстро сохнет, превращается в камень, и пахать ее вдвойне тяжело.

Первые борозды повсюду проложили торжественно, с митингами. Благополучно вспахали и первые клетки. Они на целине тоже были необычны. Землемеры повсюду нарезали тракторным бригадам одинаковые участки нетронутой степи — клетки размером два на два километра, то есть по четыреста гектаров.

— Вот это клеточки, это простор! — шутили трактористы.— Включай мотор и езжай по прямой, пока горючего хватит.

Но вскоре увидели, что приходится останавливаться все чаще: моторы не тянули плуги, ломались лемеха, гнулись плужные рамы. Лишь такой силач, как «С-80», мог тащить за собой пятикорпусный плуг. А маневренные, но легкие «ДТ-54» и «НАТИ» для целины оказались слабосильными. Люди повсюду начали снимать с плугов по одному и даже по два лемеха. Это не только снижало выработку, но грозило сорвать план подъема целины.

Предпосевная обработка нови тоже была нелегка: требовалось несколько раз продисковать пашню, обработать лапчатыми культиваторами, хорошо проборонить и прикатать водоналивными катками. Потом только пускались сеялки, а разрыв между подъемом пласта и севом не должен был превышать четырех-пяти дней. Мы знали, что иначе поле высохнет и засевать его будет уже бесполезно.

Помню свою первую поездку на сев в Кустанайскую область. Туда, на станцию Тобол, приехал Н. С. Хрущев. Вскоре состоялось большое совещание, оно проходило на Майкульском конезаводе, который тоже распахивал целину. В кабинете директора конезавода собрались П. К. Пономаренко, я, первый секретарь Кустанайского обкома партии И. П. Храмков, председатель облисполкома И. Г. Слажнев, директор Кустанайского конезавода М. Г. Моторико (ныне он министр сельского хозяйства Казахстана), ученые Всесоюзного института механизации сельского хозяйства и другие товарищи. Разговор шел о многом, но в первую очередь обсуждали проблему оборота пласта.

Мучались мы с ней изрядно, а суть в том, что плуги, настроенные на обычную пахоту, никак не укладывали мощный, срезанный предплужниками слой дернины на дно борозды. Дернина торчала как попало, вкривь и вкось, не покрывалась комковатой нижней почвой. Дисковать такое поле было сложно. Решили прервать совещание, посмотреть, как все это выглядит в натуре, и выехали в одну из тракторных бригад.

Механизаторы нервничали, дело шло туго, пласт, как ни старались они, не опрокидывался полностью. Я подошел к трактористам, вступил в разговор, спросил, что тут, по их мнению, можно сделать. Ответили, что существующие плуги не годятся, другие нужны.

— Какие?

— Мы уж давно об этом говорим, а толку чуть! — сказал один из них.— Нужно срочно наладить выпуск плугов с полувинтовыми и винтовыми отвалами.

Надо сказать, что когда Н. С. Хрущев понял, в чем тут дело, то пришел в гневное состояние и обратился с резкими обвинениями в адрес ученых. Почему не предусмотрели этот вопрос раньше? Было же время, чтобы загодя сориентировать заводы на выпуск таких плугов? Меры были приняты, и уже через месяц на целину пошли первые образцы новых плугов.

Но то было месяц спустя. А подъем целины уже разворачивался вовсю, и надо было что-то придумать теперь же, чтобы дело шло задуманными темпами. Однажды вечером я, как обычно, обзванивал совхозы, интересуясь, сколько вспахано, какие встречаются трудности. Позвонил и в совхоз «Орджоникидзевский». Его директор Ф. П. Кухтин сказал, что дела идут хорошо, но попросил прислать побольше запасных лемехов:

— Ну, прямо горят лемехи... А пашем полным ходом. Приезжайте, сами увидите.

Я спросил, как у них укладывается дернина, и услышал в ответ:

— Нормально. Упаковываем как миленькую.

Наутро большой группой мы поехали в «Орджоникидзевский». К нам присоединился заместитель министра совхозов СССР С. В. Кальченко, а в райцентре мы еще прихватили с собой уполномоченного ЦК КПСС по подъему целины М. Г. Рогинца. Я знал Михаила Георгиевича еще по Украине, где он был первым секретарем Черниговского обкома партии как раз в те годы, когда я работал в Днепропетровске.

С той поры не видел его и искренне обрадовался неожиданной встрече. Впоследствии, будучи первым секретарем Кокчетавского обкома партии, а затем министром совхозов и министром сельского хозяйства Казахской ССР, он вложил немало труда и сил в освоение целины.

В поездке в «Орджоникидзевский» выяснилось, что это именно он, Михаил Георгиевич, предложил «один пустячок», и подъем целины в подопечных ему районах шел успешно. Картину на полях мы увидели веселую. Трактористы как ни в чем не бывало вели машины на нормальной скорости, а плуги с ровным, приятным хрустом и треском рвали целину. В чем дело?

— Да говорю же, пустяк! — улыбался Рогинец.— Мы дернину тонко снимаем, самый верх. Видите, предплужники заглублены всего на семь сантиметров, а не на одиннадцать, как положено по инструкции. Вот и управляемся.

И верно. Только тут мы заметили, что предплужники, словно шкурку сала, аккуратно срезали тонкий слой дернины и сбрасывали ее «шерстью» вниз, на дно борозды. Действительно, «упаковывали». Пришлось упрекнуть Михаила Георгиевича, товарищей из совхоза: почему молчали?

— Так неудобно было о такой мелочи шуметь. Я думал, люди сами догадаются, экая мудрость,— говорил Рогинец.

— Ты вот догадался,— заметил я,— но нельзя забывать, что на целину съехалась вся страна, много людей молодых. Все полезное, выработанное опытом, надо быстро распространять. А иной и опытный догадается, да побоится взять на себя ответственность нарушить инструкцию. Так ведь, Степан Власьевич?

— Верно, могут и побояться,— подтвердил Кальченко.

— Вот и издай приказ, пусть всюду, где с дерниной не получается, заглубят предплужники на семь сантиметров, а не на одиннадцать.

— Сегодня же напишу такой приказ.

Ехали обратно и всю дорогу шутили над Михаилом Георгиевичем: мол, украинец всегда старается срезать себе шматок сала потолще, а вот Рогинец режет потоньше, впервые такое видим...

Через день состоялось бюро Кустанайского обкома партии. Среди других обсуждался и вопрос о строительстве дорог на целине. Большинство стояло на том, что дороги нужно строить шоссейные, для автотранспорта. Пусть это и дороже, и дольше, но лучше сразу начинать развивать капитальную,

современную, рассчитанную на дальнюю перспективу дорожную сеть. Одновременно с ней предлагалось в узловых местах развернуть строительство крупных элеваторов. Однако Н. С. Хрущев считал, что целесообразнее построить несколько узкоколейных железных дорог, к которым, как он говорил, можно будет подвозить хлеб из глубинок. Никакие аргументы против этой идеи во внимание приняты не были. Так была построена сначала узкоколейка Кустанай — Урицкое, а затем и Есиль — Тургай. Это была ошибка, обе дороги практически не сыграли ожидаемой роли в вывозке хлеба и вскоре были разобраны.

Привожу этот факт не ради того, чтобы показать, что партийный, государственный деятель обязан быть одновременно дорожником, экономистом, инженером и т. д. Нет, но он должен владеть как законами общего развития, так и опираться на конкретные научные и практические знания. И, во всяком случае, не может считать себя единственным и непререкаемым авторитетом во всех областях человеческой деятельности.

Современные экономика, политика, общественная жизнь настолько сложны, что подвластны лишь могучему коллективному разуму. И надо выслушивать специалистов, ученых, притом не только одного направления или одной школы, надо уметь советоваться с народом, чтобы избежать всякого рода «шараханий», скороспелых и непродуманных волевых решений. Особенно опасны они, когда речь идет о всестороннем хозяйственном и социально-культурном освоении целого географического региона, о длительной политике в нем, об умении заглянуть далеко вперед.

Из Кустаная я отправился в поездку по целинным областям, районам, совхозам, где всюду шел сев.

На станциях Есиль и Атбасар застал в буквальном смысле столпотворение. Пропускная их способность была совершенно несоразмерна количеству поступающих грузов. Есиль и тогда называли воротами целины, хотя это была крохотная станция, окруженная степным безбрежьем. Множество грузов прибывало и в районный центр Атбасар. Старинный, пыльный, открытый всем ветрам городишко с низкими домами и чахлой зеленью принимал эшелоны с техникой, лесом, цементом, деталями домов, полевыми вагончиками, металлом, бензином, семенами, продовольствием и товарами — принимал не только для собственных целинных хозяйств, но и для трех смежных районов. На разгрузку эшелонов было мобилизовано все население городка.

Члены бюро райкома партии, работники райисполкома, комсомольские активисты круглосуточно дежурили на станции — встречали поезда, управляли разгрузкой, принимали людей и пытались их временно расселить в домах местных жителей. Говорю — пытались, потому что вновь прибывающие ни минуты задерживаться где бы то ни было не хотели. Они спешили в степь, выкрикивая в общем людском шуме названия своих совхозов: «Мариновский»! «Атбасарский»! «Днепропетровский»! «Бауманский»! Приходилось уговаривать их, объяснять, что первые отряды в совхозы уже посланы, что они там и пашут, и сеют, и строят жилища для пополнения, и покуда не будет готово жилье, новичкам там делать нечего. Объясняли также, что реки уже разлились и ехать сейчас просто опасно. Но никакие доводы не помогали. Над толпами людей поднимались плакаты: «Даешь совхоз!», «Даешь целину!».

В хозяйства, расположенные, как и Атбасар, на правобережной стороне Ишима, технику и людей продолжали отправлять тракторными маршрутами и автоколоннами. Но часть техники, предназначенной для левобережной половины района, рассеченного рекой, задержалась из-за разливов. Оставлять ее в бездействии было бы грешно, и районные власти решили временно использовать эту технику в правобережных колхозах, совхозах и МТС. Но вдруг одна из тракторных колонн исчезла.

Оказалось, бригадир тракторной бригады Владимир Чекалин, узнав об этом решении, поднял ночью по тревоге своих хлопцев и угнал тракторы. Эти ребята ехали по комсомольским путевкам в колхоз «Красная заря», они сформировались в бригаду еще на месте, откуда выезжали, и сами сопровождали свои машины. В погоню за «беглецами» поехал секретарь райкома Василий Филиппович Макарин. На берегу Ишима он обнаружил тракторы и одинокого Владимира Чекалина.

— Где остальные самоуправцы?

— Сейчас будут.

— Кто вам позволил самовольничать?

— А какое тут своеволие... Трактора кому предназначены? Колхозу «Красная заря». Вот они и будут поднимать целину там, где им положено. Брод мы найдем!

Как ни пытался секретарь райкома урезонить бригадира, тот был непреклонен. В это время к берегу подошли остальные механизаторы, среди них мелькали белые бороды местных аксакалов. Один из стариков, услышав спор, обернулся к Макарину:

— Ай, секретарь, зачем парнишку ругаешь? Сам виноват! Зачем раньше машины не отправил? Разве не знал: большой снег — большой разлив будет.

Казахи показали ребятам брод, заявив, что в этом месте у Ишима твердое каменное дно. И вскоре трактористы перетянули машины на левый берег. В тот же день они включили их в колхозе в работу. А следом через тот же брод пошла техника в другие левобережные совхозы — «Днепропетровский», «Мариновский», «Бауманский»...

Даже рассказывая мне об этом, Василий Филиппович волновался, переживал: как-никак, но риск все же был. Самоуправство его сердило. Были тут, однако, и упорство, находчивость, смелость. Кстати, после случая с «беглецами» в этом месте наладили переправу на левый берег. Жители Атбасара спустили на реку все свои лодки. Из этих лодок оборудовали два парома, на которых всю весну и лето переправлялись на левобережье люди, машины, горючее, продовольствие. Это тоже был пример поистине фронтовой находчивости. И таких примеров я встречал на целине в те годы так много, что обо всем не расскажешь.

Из Атбасара выехал вместе с Макариным. Мы не торопились, ехали из одного хозяйства в другое, из бригады в бригаду. Впервые я видел казахскую степь весною и любовался ею. Какой простор! Наверное, тут даже солнце устает, пока проходит от горизонта до горизонта. Весенняя степь сияла множеством красок. Синели разливы воды. Блестели на солнце пахучие свежие травы. Цвели тюльпаны. И на всем зеленом просторе то там, то тут лежали черные квадраты впервые распаханной земли.

Но в этот хороший солнечный день меня занимала одна тревожная мысль. Наблюдая работы на полях, я заметил, что квадраты нови нигде не засевали, сеяли только по старопахотным землям. Вспомнил разговоры старожилов, что у них всегда было так: сеяли только на второй год. С вопросами не торопился, лишь в одной бригаде спросил не приезжего, а местного тракториста:

— А целину когда же засевать будете? В июне?

— Кто же сеет в июне? — удивился он.— У нас за это осмеют. У нас так говорят: пришел июнь — хоть сей, хоть плюнь.

Когда возвращались в Атбасар, Василий Филиппович молчал.

— Не пора ли докладывать? — спросил я.

— А что докладывать? Сами все видели...

Выяснилось, что сеять этой весной в Атбасарском районе не собирались. Почему? Макарин объяснил. Новь на целине исстари засевали только следующей весной, потому что поднимали ее поздно, не раньше июня. А почему поздно? Да потому что до этого крестьянин был занят севом. С двумя работами сразу — с севом и пахотой — он управиться не мог. А когда потом доходили руки до целины, сеять уже не было смысла. Земля ждала новой весны и тогда лишь давала первый, как правило, хороший урожай. Отсюда и пошли давние традиции, устойчивые представления, застарелые предрассудки. Атбасарцы долго судили и рядили, как быть, и решили в первый год не сеять.

Должен заметить, об этом уже много было говорено. Позади были у меня консультации с серьезными учеными, пришлось поднять груды материалов, данные экспедиций, начавших исследования целины очень давно, о чем позже еще расскажу. Под урожай будущего, 1955 года мы намечали поднять как можно больше земли именно в июне, ибо поздняя летняя или осенняя вспашка и целины, и зяби здесь так же нежелательна, как и июньский сев. Это было обосновано учеными, принято в наших планах. Но целину-то первой весной мы поднимали в апреле и в мае, и не под будущий урожай, а под нынешний!

Тут надо было убедить людей. Молча доехали до города, думая каждый о своем, ужинали с Макариным у него дома. Две рюмки под мои любимые пельмени, приготовленные его женой Феодосьей Кузьминичной, выпили: одну — за успешное начало целины, другую — за здоровье хозяйки. Василий Филиппович был в тот вечер неистощим на всяческие вопросы:

— Скажите, вы искренне убеждены, что наш край станет крупнейшей житницей страны?

— А вы все-таки сомневаетесь?

— Больно трудно давалась нам эта земля...

— Не только убежден, Василий Филиппович, но и горжусь, что причастен к этому делу.

Хорошо понимал я этого человека, чувствовал его состояние. Он был из тех старых местных работников, которых мы при резко изменившихся масштабах работы сочли правильным не менять, оставить на месте. И не ошиблись. Большие события лишь поначалу заставили их несколько растеряться. Таким и был Макарин — один из тысяч секретарей райкомов, великих тружеников, которые несут на себе основной груз самой трудной низовой партийной работы. Он жил, трудился

в самом что ни на есть тихом городке, заброшенном в глухой, опаленной солнцем степи, и жизнь эта текла тоже тихим, размеренным ходом. Но вот наступил 1954 год, и городок оказался в эпицентре целинных дел, на виду у всей страны. К чести Макарина, он обладал той крестьянской дотошностью и тем умом, который, до всего докопавшись, позволяет человеку глубоко поверить в новое дело и целиком, до конца отдаться ему со всей недюжинной силой своего таланта.

На следующее утро по моей просьбе он собрал в райкоме директоров совхозов А. В. Заудалова, И. Г. Лихобабу, Г. Я. Тутикова, пришли председатель райисполкома С. К. Галущак, его заместитель Рахим Кайсарин и другие товарищи. Еще раз мы все обсудили, всех я внимательно выслушал, а в заключение сказал:

— Хорошо, что к большому делу вы относитесь основательно, осторожно. Но давайте все-таки разберемся, о чем идет спор. Мог ли мужик-единоличник, даже если, как говорили тогда, и был справным, разработать быстро целину, как мы это можем сделать теперь? Конечно нет! Сохой или в лучшем случае буккеровским плугом он мог и в мае вспахать свой клочок земли, но уж разделать ее ему просто было нечем. Вот и ждал почти год, а то и больше, пока дернина под воздействием солнца, воды и мороза не распадется сама на мелкие комки. Нам ли равняться на этого мужика, перенимать его горький и вынужденный опыт? Думаю, что нет. Нынешней техникой мы можем в два-три дня сделать поднятую целину мягкой, пористой, готовой принять семена. И в тот же год вознаградить себя за труды. Вот и решайте, как вам лучше поступить.

— А что решать? Я давно говорю — сеять надо! — горячо отозвался Заудалов.

— Так сейте.

— Видите ли... Нам не то что не дают или запрещают, а говорят: смотрите, как бы впросак не попасть, ведь вы человек нездешний, не знаете этой земли. Тут поневоле засомневаешься.

— Засеем все, что нынче подняли,— заверил Макарин.— Убедили вы нас. Видать, мы сами себя перемудрили.

— Вот и хорошо. Но учтите еще одно,— добавил я.— Тут приводились аргументы, так сказать, агрономические и технические и ничего не говорилось о политической стороне вопроса. Между тем надо считаться не только с возможностью, но и с необходимостью сеять хлеб на целине именно нынче. Это не только экономическая необходимость, это и дело

политики. Пусть весь мир еще раз узнает, что мы, коммунисты, способны решать крупнейшие задачи в течение короткого времени. А кроме того, по-человечески важно, чтобы каждый целинник уже в этом году увидел плоды своего труда.

4

Иногда спрашивают: кто был автором идеи поднять целину? Считаю, что сам этот вопрос неверен, в нем кроется попытка выдающееся свершение нашей партии и народа приписать «прозрению» и воле какого-либо одного человека.

Подъем целины — это великая идея Коммунистической партии, осуществление которой помогло, если мыслить историческими категориями, почти мгновенно превратить безжизненные, глухие, но благодатные восточные степи страны в край развитой экономики и высокой культуры.

Известно, что заселение обширных пространств Казахстана, Западной Сибири, Дальнего Востока крестьянской голытьбой из европейской России началось еще в прошлом веке. Но особенно оно усилилось с появлением Великой транссибирской магистрали. Однако известно также, что из этого вышло. Миллионы обездоленных, безземельных, голодающих крестьян царской России вместе с семьями устремлялись на восток, в «обетованный» край, в мучительной надежде найти там землю и счастье. Ехали в битком набитых товарных вагонах, на арбах и телегах. Тысячи переселенцев умирали в дороге, не выдержав долгого, мучительного пути, голода, болезней. История оставила нам многочисленные свидетельства той драматической эпопеи. Вспомним, к примеру, картину художника С. В. Иванова «Смерть переселенца». Умер в глухой степи, на дороге, не добравшись до цели, крестьянин-кормилец. Что будет с вдовою, с детьми? С этим сжимающим сердце вопросом стоим мы обычно у знаменитого полотна.

Но и благополучно достигшие не тронутых плугом мест оказывались в отчаянном положении. Один на один вступали они в жестокую борьбу с дикой, суровой степью. Ни жилья, ни дорог, ни воды, никакой помощи ниоткуда. Вся «техника» — тощая лошаденка с сохой, изредка плугом.

«Освоение целины» в дореволюционный период превратилось в подлинно народное бедствие. О бездушном, бесчеловечном отношении царских властей к переселенцам гневно писали А. П. Чехов, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский. В своих очерках «Поездки к переселенцам» Глеб Успенский

нарисовал типичную картину увиденного в одном из хуторов:

«Какие-то черные груды, напоминающие в кучки сложенный торф или кизяк, небольшого размера, разбросанные где попало, не дают ни малейшего представления о человеческом жилье; нигде не видно ни единого человеческого существа и вообще нет никакой возможности представить себе, чтобы здесь могли жить люди. Однако живут...»

Замечу, что остатки развалин таких «черных груд» — земляных жилищ — мы еще встречали кое-где в степи, и они всегда вызывали горькие думы о печальной судьбе первых целинных жителей.

Не выдержав непосильных условий существования, крестьяне бежали, возвращались назад в Россию, на Украину и в Белоруссию — навстречу не менее тяжкой судьбе. Политику царского правительства в отношении переселенцев гневно заклеймил В. И. Ленин, который писал: «В Россию возвращается беднота, самая несчастная, все потерявшая и озлобившаяся. В Сибири земельный вопрос должен был крайне обостриться, чтобы оказалось невозможным — несмотря на отчаянные усилия правительства — устроить сотни тысяч переселенцев». И в другой статье: «Эта гигантская волна обратных переселенцев указывает на отчаянные бедствия, разорение и нищету крестьян, которые распродали все дома, чтобы уйти в Сибирь, а теперь вынуждены идти назад из Сибири окончательно разоренными и обнищавшими».

Пытаясь как-то оправдать действия правительства, сгладить удручающее впечатление от передвижения с запада на восток и обратно гигантских масс измученного народа, буржуазные исследователи придумали целую теорию, утверждавшую, что во всем повинны... сами восточные степные земли. Они писали, что эти земли якобы бесплодны и в силу своих природных особенностей попросту не могут быть когда-либо использованы. Однако кто в России не знал, что это были не более чем наветы на богатые девственные степи, веками копившие плодородие?

«Земля здесь хлебородна, овощна и скотна»,— писал еще в XVIII веке о Сибири и Северном Казахстане автор «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезов. Высмеивая выдумки лжеученых, В. И. Ленин не раз повторял: «Есть еще свободные земли... превосходные земли, которые надо поднять»! В его трудах, в 16-м томе собрания сочинений, на странице 229, нашел я удивительно глубокое наблюдение. Владимир Ильич отметил, что непригодными эти земли являются «не столько

в силу *природных* свойств... сколько вследствие *общественных* свойств хозяйства... обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность».

Октябрьская революция коренным образом изменила «общественные свойства» сельского хозяйства и тем самым создала условия для использования новых земель всюду — в Западной Сибири и Северном Казахстане, в Поволжье и на Северном Кавказе, на Урале, Дальнем Востоке. К 1940 году посевная площадь страны выросла по сравнению с 1913 годом на 32,4 миллиона гектаров. Следующий этап освоения земельного запаса СССР открылся в середине 50-х годов. Именно тогда насущная потребность получать хлеб на целине соединилась с реальной возможностью выполнить эту историческую задачу.

Партия давно готовилась к широкому наступлению на новые земли. Еще в конце 20-х годов ученый с мировым именем Н. М. Тулайков, прозорливо увидев, что с созданием крупных механизированных хозяйств открылась перспектива покорения целины, организовал первую научную экспедицию для точного выявления пригодных к освоению земель на востоке страны. Об успехе экспедиции он написал в статьях и в докладной записке в ЦК ВКП(б). В 1930 году XVI съезд ВКП(б) — на нем, кстати, Тулайков был принят кандидатом в члены партии — обсуждал вопрос о расширении зернового хозяйства в восточных районах страны. В докладе «Колхозное движение и подъем сельского хозяйства», подготовленном сельскохозяйственным отделом ЦК, позиция партии была изложена четко. Вот этот любопытный и дальновидный документ:

«...С пшеницей мы пойдем туда, где не могут расти более ценные культуры и где трактор может быть использован 24 часа в сутки. По расчетам нового кандидата ВКП(б) профессора Тулайкова, одного из лучших в мире знатоков засушливого земледелия, в Казахстане от 50 до 55 миллионов гектаров можно считать годными для посева, из которых около 36 миллионов гектаров расположены в северных округах, примыкающих к Сибири и Уралу: Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Акмолинском, Павлодарском и Семипалатинском. Здесь посевы пшеницы занимают только 5 процентов всей пахотоспособной земли.

Как же мы думаем решать эту задачу? Нужно иметь в виду, что пшеничную задачу нам придется решать в районах с очень малой плотностью населения, в районах, где рельеф позволит использовать трактор и комбайн с наибольшей эф-

фективностью... На решение этой задачи требуется примерно 700 тысяч — 1 миллион лошадиных сил, чтобы получить дополнительно 20—25 миллионов гектаров под пшеницу. На это мы пойти можем и должны!

Организационный гвоздь при решении этой задачи заключается в том, что решать ее надо с минимумом людей и животных, чтобы не быть вынужденными держать здесь большие запасы на случай неурожая. Помимо полной механизации, здесь необходимо взять расчет на полную нагрузку на трактор, на каждую машину, на каждого человека. Здесь нужно исходить из того, что один человек должен обслуживать 200 гектаров».

Эти предложения были приняты съездом партии, поддержаны и одобрены народом. О необходимости освоения целины много в ту пору писали центральные и местные газеты. Наркомат земледелия СССР начал создавать в Казахстане и в Сибири первые зерновые совхозы, опыт которых помог нам позже при организации широкого наступления на целину. Вполне понятно, однако, что страна еще не могла в те годы двинуть в степные просторы достаточное количество техники. А потом началась война. Но идея широкого освоения целинных и залежных земель не погибла. Словно сама целина, она жила, лишь ожидая своего часа.

В 1974 году в речи на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины, я отмечал, что подлинное значение исторических событий, крупных политических решений выявляется, как правило, далеко не сразу, не по горячим следам, а лишь позднее, когда можно сопоставить намерения с полученными результатами, оценить фактическое воздействие этих событий и решений на те или иные стороны жизни. Историческая дистанция, делая малозаметными детали и частности, позволяет тем самым лучше, рельефнее видеть главное, основное. А главное, если иметь в виду освоение целины, состоит в том, что партия выдвинула в 1954 году чрезвычайно важную и актуальную народнохозяйственную задачу. И это главное советские люди хорошо тогда понимали и чувствовали.

В самом деле, вспомним обстановку начала 50-х годов. Положение с хлебом вызывало в те годы серьезную тревогу. Средняя урожайность зерновых в стране не превышала 9 центнеров с гектара. В 1953 году было заготовлено немногим больше 31 миллиона тонн зерна, а израсходовано свыше 32 миллионов. Нам пришлось тогда частично использовать государственные резервы.

Для того, чтобы выйти из этого положения, нужны были кардинальные, решительные и, что особенно важно, срочные меры. В тех условиях партия, не снижая внимания к повышению урожайности в старых районах земледелия, выдвинула на первый план задачу значительного и быстрого расширения посевных площадей. А оно было возможно только за счет восточных целинных земель.

Хочу особенно подчеркнуть: расширение посевов носило не только количественный, но и качественный характер. Стране не только нужен был хлеб, она испытывала острейшую нехватку ценнейшей продовольственной культуры — пшеницы. И дать ее могла только целина, где можно выращивать высшего качества пшеницы твердых и сильных сортов. В случае успеха зерновой баланс страны мог быть изменен коренным образом, я бы сказал, революционно.

Сегодня, с большой временной дистанции, при очевидности результатов, все кажется бесспорным, можно даже и удивляться: как это у целины могли быть противники? А они были. Впрочем, противниками как таковыми — яростными, не желавшими даже слышать о целине,— можно назвать лишь участников сложившейся вскоре антипартийной группы. С этими людьми ни в коей мере нельзя смешивать других — заблуждавшихся, честно сомневавшихся или чрезмерно осторожных. Их мы старались просто убеждать фактами и расчетами. В их позиции, как говорится, греха не было. Здоровые сомнения в больших делах даже необходимы — надо ведь взвесить тысячи за и против, учесть все до мелочей, так разработать операцию, чтобы быстро и наверняка одержать победу, и только победу.

Оснований же для разных сомнений было немало. Возьмем чисто природные — климатические, земледельческие — факторы. Как известно, в отличие от многих других стран, в частности от США, в которых условия ведения сельского хозяйства близки к идеальным, наша страна большей частью расположена в зоне так называемого рискованного земледелия. А коли так, то стоило ли усугублять действие этого фактора, впадать в еще большую зависимость от природы, создавая новые, гигантские по своим масштабам сельскохозяйственные районы, в которых земледелие, по мнению некоторых специалистов, вообще невозможно? Ведь предстояло сеять десятки миллионов гектаров пшеницы в крайне засушливых, опаленных зноем степях, где выпадает 200, максимум 300 миллиметров осадков в год.

Вот почему грандиозное по масштабам дело так тщательно тогда обсуждалось. Мне рассказали в те дни один эпизод, связанный с К. Е. Ворошиловым. Он вернулся из очередной поездки по сельским районам. Вернулся озабоченный, почти удрученный. Узнав, что обсуждается вопрос о подъеме целинных земель, и понимая, что это потребует огромного количества средств, сил и техники, он грустно заметил:

— А в смоленских деревнях еще кое-где люди на себе землю пашут...

Да, перед партией стоял нелегкий выбор. Шел всего лишь девятый год после окончания войны. Раны, нанесенные ею, еще кровоточили. Фашисты сожгли и разрушили 70 тысяч деревень, полностью разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов, угнали 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 7 миллионов лошадей. Что касается районов, не подвергшихся оккупации, то и там материально-техническая база МТС, совхозов, колхозов повсюду была основательно подорвана. Техника многие годы работала на износ, поля были запущены. И самое страшное: везде не хватало людей — миллионы трактористов, комбайнеров, шоферов, механиков, техников, инженеров, агрономов полегли на войне.

Довоенный уровень сельскохозяйственного производства был в результате огромного напряжения сил уже восстановлен. Но деревня продолжала нуждаться в помощи, сельское хозяйство не удовлетворяло растущих потребностей населения в продуктах питания, а промышленности — в сырье.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года утвердил обширную программу, которая была призвана ликвидировать недостатки в руководстве сельским хозяйством. Казалось бы, сама логика, трудное положение со средствами, материально-техническими и людскими ресурсами в стране заставляли все силы бросить в традиционные земледельческие районы, чтобы там получить соответствующую отдачу.

Но в том-то и дело, что разработанная партией программа хоть и рассчитана была на подъем всех отраслей сельского хозяйства, но не обеспечивала, да и не могла обеспечить немедленного успеха. Особенно это касалось главной задачи — производства зерна. Рост отдачи в полеводстве, растениеводстве — процесс, как правило, длительный. Вот почему, даже идя на риск, необходимо было ради выигрыша времени часть ресурсов и средств смело двинуть на целину, сулившую за один сезон дать солидную прибавку в крайне напряженный зерновой баланс страны. Первые 13 миллионов гектаров целины, намеченные к освоению в 1954 году, в случае успеха

уже осенью того же года могли добавить в наши закрома 800—900 миллионов пудов товарного зерна. И партия пошла на это. Таким образом, она выигрывала и в тактике, ибо сразу же получала реальный результат в виде хлеба, и в стратегии, потому что на целину мы шли не налегке, не затем, чтобы «урвать» ее богатства, снять сливки с ее плодородия и уйти восвояси, а шли на долгие годы.

Кстати говоря, Климент Ефремович Ворошилов принадлежал к числу тех деятелей, которые умели обстоятельно разбираться в необходимости или преждевременности тех или иных крупных государственных мероприятий. Он выступил за целину, а потом, приезжая в Казахстан и видя бескрайние пшеничные нивы, с радостью говорил мне:

— Как хорошо, что мы пошли сюда! На этих просторах вызревает помощь и белорусскому, и смоленскому, и вологодскому мужику. Притом действительно скорая помощь. Ей-ей, хоть рисуй на машинах с целинным зерном желтый крест — под цвет этой пшеницы... Крепко она нас выручит, крепко!

Но все это было потом. А тогда, в 1953—1954 годах, дискуссии продолжались. Одним из серьезнейших возражений было: мыслимо ли идти такой армадой в абсолютно голые, безлюдные степи без всяких тылов? Нет, сначала надо построить поселки, школы, больницы, дороги, ремонтные заводы и мастерские, элеваторы, а потом уже завозить технику и людей. Как тут можно ответить? Конечно, хорошо бы все это иметь. Только те, кто так ставил вопрос, не понимали все того же важнейшего требования — хлеб с целинных земель нужен был немедленно! Мы шли на целину, чтобы одновременно и обживать, и застраивать ее, и брать хлеб. Утверждая социализм, советские люди многое начинали на голом месте, чтобы опередить время. Партия открыто заявила тем, кого призывала ехать на целину: будет трудно, очень трудно, предстоит тяжелый бой, а всякий бой требует подвигов. И сотни тысяч патриотов страны — будущих целинников сознательно пошли на этот подвиг.

Следуя своей неизменной традиции, партия никогда не принимала крупных и принципиальных решений, не посоветовавшись с народом. Так она поступила и в этот раз. В конце 1953 и в начале 1954 года в краях и областях РСФСР, Казахстана и в других республиках прошли сотни различных совещаний и собраний, которые показали, что коммунисты, широкие массы трудящихся одобряют и поддерживают идею партии об освоении целины и пахотных залежей.

Конечно, на местах, где должна была непосредственно развернуться целинная битва, тоже не обошлось без споров и сомнений. Но сомнение сомненью рознь. Когда люди убеждались, что партия задумала не легкий наскок на целину, а разработала и подготовила крупнейшую народнохозяйственную программу, они, не колеблясь, выступали за нее. Характерен рассказ человека, который уже упомянут в этих записках,— первого секретаря Атбасарского райкома партии В. Ф. Макарина, ставшего на целине Героем Социалистического Труда. Вот что он писал недавно о своих колебаниях той поры:

«Сейчас, когда прошли годы и многое выветрилось из памяти людей, можно было бы и покрасоваться, сказать, что все мы, так или иначе вовлеченные в орбиту целины, были тогда готовы, как кавалеристы с шашками наголо, ринуться в атаку на степное безмолвие и с ходу победить его. Но это было бы против истины. Ничуть не кривя душой, могу заявить, что в тот момент, когда мы узнали, какие дела предстоят атбасарцам, мне и моим коллегам по руководству районом стало, мягко говоря, не по себе. И понять нас не так уж трудно. Что такое целина, мы — уроженцы этих мест, выросшие и работавшие тут,— знали очень хорошо. Трудно, очень трудно она давалась крестьянину. Не случайно же более чем за 100 лет атбасарские крестьяне смогли распахать всего 100 тысяч гектаров новины, а засевали из них лишь треть, и то только в лучшие, удачливые годы. А тут в течение двух лет предстояло поднять в районе почти полмиллиона гектаров, перевернуть чуть ли не всю степь и заставить ее рожать хлеб, заставить обязательно! Было над чем призадуматься... Нет, мы нисколько не сомневались в том, что страна обеспечит нас техникой в достаточном количестве, она к тому времени располагала развитой промышленностью, солидными экономическими ресурсами. Но позвольте спросить, кто поведет эту технику? Ведь нет еще таких машин, чтобы они сами, без участия людей, пахали, сеяли, убирали хлеб, да еще и в булки его превращали. Кое-кто, может быть, упрекнет меня в том, что я несколько утрирую, но я говорю о том времени, как было в действительности. Дело начиналось большое, неизведанное, была в нем изрядная доля риска».

Прав Василий Филиппович, давний мой знакомый. Риск был, и секретарь райкома мог и должен был поразмышлять над тем, как лучше выполнить задачу, выдвинутую партией. Правильно было и то, что в районе не раз собирали партийный, советский, хозяйственный актив, спорили до хрипоты, предлагали разные варианты действий.

«Наши сомнения,— заключает В. Ф. Макарин,— вскоре, однако, были основательно развеяны. Партия разработала такие меры, которых мы только могли желать. Она опиралась на безграничное доверие народа, на его высокое гражданское сознание и энтузиазм. В наш район вскоре хлынул настоящий поток техники, пришли тысячи писем юношей и девушек с просьбой указать адреса колхозов и совхозов, которые нуждаются в людях. Стали приезжать сотни призванных партией специалистов, прекрасных знатоков техники. И развернулась невиданная героическая работа».

5

В старых словарях вы найдете слово «целина», но не найдете слова «целинник». Оно родилось в 50-е годы, точно так же как в годы коллективизации появилось слово «колхозник». Само понятие «целина» утратило тогда свое чисто земледельческое значение, оно стало термином общественным, ибо за ним стояли высокая гражданственность и глубокий советский патриотизм. Целинник — фигура историческая, определившая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени.

Как-то, приехав в один из кустанайских совхозов, где стоял лишь единственный готовый домик, а люди жили еще в палатках и землянках, я узнал, что лучшую комнату в этом доме отдали молодым супругам, у которых родился мальчик. По этому поводу торжествовали все, а счастливый отец сказал мне:

— Хоть мы только что приехали сюда, но можете теперь считать нас коренными целинниками.

— Нет,— возразил я.— Коренной целинник пока у вас на целое хозяйство всего один — вот этот мальчишка, который родился. А вам еще предстоит стать коренными жителями здешних мест. Думаю, это произойдет не сразу. Будет нелегко.

Вспоминаю давние беседы в Целиноградской области, в том же Атбасарском районе,— весной и осенью. Совсем поразному звучали они. Первой целинной весной приходилось слышать жалобы руководителей, что далеко не все приезжие собираются остаться у них. Директор совхоза «Мариновский» А. В. Заудалов говорил:

— Народ-то, с одной стороны, разношерстный, а с другой, наподобие войска — сплошь молодые ребята. Сегодня они тут, завтра их в другое место потянет.

— Да, проблема...— согласился я.— Молодым свойственна романтика. Пройдет год-два, и часть молодежи начнет уезжать. Вы же видите: большинство желает жить только в палатках. Им, если угодно, побольше трудностей подавай, чтоб было что одолевать. Построив все, что требуется на первый случай, ребята сделают свое дело, заскучают и полетят в другие места.

— А нам-то что делать?

— Думать о том, как закрепить кадры. Я вижу два пути. Надо позвать сюда девушек. Доярки, сеяльщицы, телефонистки, повара, врачи, учителя — мало ли для них работы сейчас и появится завтра в новых местах? Приглашайте девушек, и многие парни останутся здесь навсегда. Ну, а второй путь — приглашайте людей семейных, но уж заранее создавайте для них нормальные условия жизни. Вот так и заселим эту землю.

Если на то пошло, речь у нас шла о планировании человеческого счастья. Каждому нужен дом, очаг, нужна любовь, нужны дети. Государство, общество не могут найти парню, как говорили в старину, суженую, но должны стремиться сделать так, чтобы не было в стране чисто «мужских» районов или «женских» городов. И если демографические проблемы решаются грамотно, то молодые люди найдут друг друга и будут счастливы. Они и должны быть счастливы, потому что без этого невозможно благоденствие страны.

Вскоре именно Атбасарский район стал инициатором приглашения девушек на целину. Вернувшись в Алма-Ату, я 17 июля 1954 года с удовлетворением прочел в «Правде» обращение молодых целинниц совхоза «Мариновский» Раисы Емельяновой, Александры Замчий, Елены Клешни, Валентины Непочатовой, Полины Пашковой и Людмилы Семеновой к девушкам и женщинам страны с призывом ехать на целину. Призыв нашел широчайший отклик. Приехав осенью на уборку в Атбасар, я вновь встретился с Заудаловым. Был он одновременно и радостен, и до крайности озабочен. Спрашиваю:

— Стряслось что-нибудь?

— Да ведь помилуйте, Леонид Ильич! Я теперь будто и не директор, а главный почтальон... Совхоз получил тысячи писем от девушек. И все готовы в дорогу, все хотят ехать именно к нам! Надо бы как-то отрегулировать дело. Есть же много других совхозов. А то ведь что получается: ярмарка невест, а не хозяйство!

Хлопот с «девичьим десантом» действительно было немало. Зато жизнь на целине менялась буквально на глазах. Она все быстрее превращалась из походной, «армейской» в нормальную, благоустроенную. И сегодня куда бы я ни приезжал на целину, всюду встречаю работников, родившихся здесь. Жизнь в этих краях пустила глубокие, крепкие корни.

Вместе с отцом Героем Социалистического Труда Жансултаном Демеевым выходит в поле его сын — Мираш Демеев. Знает эта земля не только знаменитых первоцелинников Михаила Довжика и Владимира Дитюка, но и хороших хлеборобов Владимира Михайловича Довжика и Григория Владимировича Дитюка, родившихся здесь. Не однажды мне доводилось бывать в совхозе «Ждановский» Северо-Казахстанской области, встречаться с его директором Марком Павловичем Николенко. Когда ветеран ушел на пенсию, хозяйством стал руководить его сын — Владимир Маркович Николенко. Героем Социалистического Труда стал на целине комбайнер совхоза «Ленинский» Карасуского района Кустанайской области Амангельды Исаков. А его сын Владимир Амангельдинович ныне главный агроном совхоза «Койбагарский» того же района. Настоящую хлеборобскую династию основал комбайнер совхоза «Самарский» Целиноградской области Иван Григорьевич Космыч: вместе с ним растят и убирают хлеба девять его сыновей! Таких примеров великое множество. Все произошло именно так, как было задумано: освоены новые земли, на них остались жить люди.

Целинная палатка бригады М. Е. Довжика давно уже стоит в Музее Революции в Москве. А там, где когда-то находились такие палатки и землянки, выросли сотни степных городков. В целинных районах Казахстана теперь живут и работают в сельском хозяйстве миллион двести тысяч человек. Эти места стали такими же обжитыми и заселенными, как любой другой экономический район страны.

Фотографии первых целинных лет многое освежают в памяти. На снимках — голая степь, тракторные поезда, колышки с названиями совхозов, палатки, землянки, тесные вагончики, глиняные мазанки без крыш, прозванные тогда «бескозырками». Люди в этом жилье ютились при тусклом свете фонарей и керосиновых ламп. Все у них было временное, неуютное, походное. Но поглядите на лица этих людей — какие они веселые, радостные. Оптимизм и уверенность видны в каждой улыбке, в каждом жесте. Все мы, работавшие тогда

на целине, ощущали этот оптимизм, этот душевный настрой сознававших свою силу людей. А как впечатляла пробужденная нами к жизни степь! Все двигалось и стекалось сюда, на передний край, как это бывает перед большим наступлением. Любой человек, попадавший в то время на целину, невольно начинал жить ее интересами.

Безусловно, были и такие, которые с целины уезжали. Попадались люди случайные, корыстные, с непомерными претензиями, не желавшие считаться ни с чем. Их метко называли «землепроходимцами», и с ними пришлось столкнуться в первой же поездке по Северному Казахстану. Было это ранней весной 1954 года на станции Тобол. Едва сошел с поезда, как из толпы вырвался какой-то шумный малый и буквально атаковал меня вопросами. Куда их привезли? Зачем сорвали с мест? Где жилье, где заработок, где теплая одежда? В этой степи, дескать, одни сурки могут жить в своих норах!

Я терпеливо слушал, потом сказал, что затем и пригласили новоселов, чтобы обживать эти земли, но парень не унимался. Он потрясал своим легоньким пиджаком и требовал, чтобы ему сейчас же выдали полушубок. Было ясно, что это не тот человек, которому можно что-либо втолковать,— таких всегда чувствуешь сразу — и пришлось его оборвать:

— А вы что, сюда на готовые пироги ехали? На что рассчитывали в этом пиджачке да в кепочке? Такие, как вы, целине не нужны!

— Вот так всегда,— сбавил он тон,— когда требуешь свое законное...

— Нет, дорогой,— сказал я.— Ваши требования будут законны через месяц, через два или три, да и то лишь отчасти. А по-настоящему законными они станут только через год. Пока же не меньше претензий можно и к вам предъявить. Зачем ехали? Мы ведь надеялись на вас, а теперь вынуждены срочно искать замену. И, будьте спокойны, найдем.

Насколько помню, тот парень был из группы города Шуи. И, конечно, это было исключение из правила. Та же Шуя прислала к нам настоящих тружеников, они совхозу в тургайской степи дали название «Шуйский», и стал он одним из лучших на целине.

А трудности, скрывать нечего, были. Наш народ на протяжении героических десятилетий очень многим жертвовал во имя будущего, переживая тяжкие испытания. На разных этапах нам не хватало буквально всего — гвоздей и керосина, обуви и ситца, крыши над головой и хлеба. И партия всегда

открыто говорила народу: трудности и нехватки мы одолеем общей упорной работой, а жизнь наша постепенно будет становиться все лучше и лучше. Она и становилась лучше с каждым годом, несмотря на то, что страна подвергалась все новым испытаниям.

Конечно, человеку, который в тот или иной момент нашей истории не был как следует устроен и обеспечен, приходилось в этой конкретной ситуации нелегко, а порой непомерно тяжело. И в этом смысле трудности выпали всем поколениям советских людей. Ни одному народу не пришлось выдержать таких испытаний, как нашему. Но взгляните на нашу жизнь в целом. Она ведь все время шла в гору. Какими бы ни были преграды, мы их всегда одолевали. И сегодняшняя действительность отличается от прежней, как космический корабль отличается от крестьянской телеги.

Если вернуться к бытовым неурядицам, какие встречались на целине в пору ее освоения, то уж они действительно были временными. Не понимали этого только себялюбцы, не желавшие пальцем шевельнуть для общего дела. Про таких метко говорят в народе, что они — ни папе, ни маме, ни нам с вами.

Иное дело, встречались ребята, просто растерявшиеся на первых порах. С ними достаточно было поговорить, объяснить, убедить, даже отечески приласкать. Да, приласкать — мне часто доводилось тогда, беседуя с руководящими работниками, употреблять это слово. Молодой человек, еще не набравшийся опыта, нуждается в строгости, но нуждается и в добром участии. Той же весной 1954 года на станции Джалтырь под Целиноградом я увидел парня с чемоданом. Он хотел сесть в поезд. Спрашиваю:

— Не домой ли собрался?

— Домой.

— Что — трудно?

— Трудно. Себя, натуры своей не знал. Не знал, что так буду тосковать по дому, по родным местам. У нас там тепло. Из окошка Азовское море видно. Сады цветут. А тут снега, бураны. Теперь вот ужасные ветры...

Я присел рядом с ним.

— Начинать всегда тяжело. А представь, как ровесники твои воевали на фронте? Тоже тосковали по дому, по матери, жили в землянках. Да еще и в смертельную атаку ходили... Ничего просто так не дается. На Украине развести сад — дело нехитрое, а вот в этой степи сад — большая победа. Но через годик-другой будут тут села и сады тоже будут.

Главное, надо в себя поверить. Нельзя тебе начинать свою жизнь с отступления!

Парень, помню, на поезд не сел. Я увидел его уже в кузове грузовика. Не знаю фамилии этого теперь уже, конечно, немолодого человека, но, думаю, он среди тех, кто связал судьбу свою с ковыльной степью.

«В диких условиях целины,— писала в те дни одна из буржуазных газет,— человек не может существовать. Вот почему можно успокоиться: целина так и останется непереваренным куском в желудке России».

Сколько же раздавалось таких хлестких пророчеств! Но уже через три месяца после прибытия первых эшелонов с добровольцами в степи зеленели бескрайние поля пшеницы. Посевные площади в республике увеличились вдвое и в том же году достигли 20 миллионов гектаров. И если, как писали наши недруги, мы были «не готовы» к целине, то кто же поднял и засеял эти земли? Кто дал нам в тот год более 22 тысяч новых тракторов и более 10 тысяч новых комбайнов? Кто отправил к нам тысячи поездов с домами, лесом, цементом, товарами, продовольствием? Нет, это было хорошо продуманное, спланированное наступление. И вековой крепостью под названием «целина» мы овладели не длительной осадой, а стремительным броском, героическим штурмом.

Могут спросить: но если люди шли в степь, вооруженные могучей техникой, чувствуя за собой поддержку всей страны, всего народа, если уже тогда их воспевали в песнях и они, как говорится, с первого шага начинали пожинать плоды своей завидной славы, то не завышена ли оценка всего, что стоит за словом «целинник»? Нет, не завышена. Эти люди действительно совершили подвиг.

Героическое начало проявляется по-разному. Один и тот же человек может, рискуя жизнью, броситься в горящий дом, но окажется неспособным изо дня в день выполнять какую-либо монотонную работу. Есть героизм момента. Есть героизм тяжелых периодов в жизни всего народа — примером может служить война. И есть героизм будней, когда сознательно и добровольно люди обрекают себя на тяготы, зная, что в другом месте их могло и не быть. Считаю, что люди целины показали себя героями. Они выдержали все трудности быта первой поры и годами терпеливо и стойко обживали эту совсем не ласковую землю.

В дни празднования 20-летия целины я говорил в Алма-Ате об одном удивительном человеке — Иване Ивановиче Иванове. Он родился в Ленинграде, во время войны защищал

родной город, был тяжело ранен, потерял обе ноги. После длительного лечения приехал в Казахстан, да так и остался здесь. Сроднился с этим краем, стал отличным механизатором, и к боевым его наградам прибавились награды за труд — два ордена Ленина и Золотая Звезда Героя.

Весь зал рукоплескал герою, аплодировал ему с трибуны и я. Потом брали слово другие ораторы, и один из них, как показалось мне, повторил ту же самую историю. Тоже говорил о коммунисте, ленинградце, участнике войны, который лишился обеих ног, приехал на целину, стал одним из лучших трактористов, Героем Социалистического Труда. А зовут его — Леонид Михайлович Картаузов... Снова все захлопали, и мелькнула мысль: неужели совпадение? Или у меня был неверно назван герой? Но нет, не может быть, я ведь хорошо помнил его.

В перерыве я поинтересовался Картаузовым, и оказалось, что ошибки никакой нет. Работают на целинной земле и Картаузов, и Иванов, судьбы их схожи, и оба они Герои. Совпадение это, я бы сказал, символично. Не зря у нас слово «целинник» стало символом мужества.

За свою жизнь я не раз убеждался, что подлинные герои в обычной обстановке бывают, как правило, скромными, не очень заметными. Они просто и безотказно делают свое дело. Таким был и Даниил Нестеренко, тракторист совхоза «Дальний» Целиноградской области. Само название совхоза говорит за себя: он расположен в самом дальнем уголке области. Именно туда и вызвался поехать Нестеренко. Снежная зима шла к концу, и бригада трактористов, в которой он работал, могла быть отрезанной от центральной усадьбы совхоза, остаться без запаса горючего. Немудрящая речка Жаныспайка грозилась, по словам старожилов, разлиться бурно и широко. Пока на ней еще стоял лед, надо было срочно переправить тракторы. Нестеренко помог товарищам провести эту рискованную операцию, а свой трактор повел последним. Но тающий лед, уже покрытый водой, не выдержал...

Когда друзья вынули из воды погибшего, то обнаружили в его кармане удостоверение Героя Советского Союза. До этого никто в совхозе не знал, что рядом с ними работает такой человек. Выяснилось, что звание Героя Даниил Потапович Нестеренко получил за форсирование Днепра. И стало вдвойне обидно за его гибель. Я помню Днепр, помню героев этой переправы под смертельным огнем. Казалось бы, что за преграда бывалому человеку степная речушка! Но вот бывают в жизни такие нелепые случайности.

Одна подробность особенно тронула меня: в палатке Нестеренко друзья нашли саженцы украинских вишен. Значит, надолго ехал он в Казахстан, если вез их с собою, чтобы посадить в степи. Но уже без него выросли эти вишни.

Зима 1954 года выдалась суровой, на редкость снежной, морозной. Целина сразу, «с порога», испытывала новоселов, обрушивала на них свой крутой, неласковый нрав. Не умолкая завывали пронизывающие ветры, и каждый рейс по степи был необычайно трудным, а мог стать и опасным. Между тем тысячи тракторов, сотни автопоездов должны были пробиваться к еще не существующим совхозам по бездорожью, сквозь ветер и снег.

Что такое буран в степи, многие представляют с детства по «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. Пришлось и мне увидеть, как обманчива степь. То над ней от горизонта до горизонта может синеть морозное небо, светит яркое солнце, но минет полчаса — и уже не видно белого света, крутит, свистит, завывает пурга. Достаточно малой ошибки, случайности, неожиданно заглохшего мотора, и человек остается со степью один на один — без дороги, на морозе, в кромешной мгле.

Помню, как всех на целине потрясла гибель студента-заочника Львовского строительного института Василия Рагузова. Одним из первых он приехал в совхоз «Киевский» и стал работать прорабом. Способный организатор, хороший товарищ, человек веселого, общительного нрава, он быстро завоевал авторитет, уважение и любовь первоцелинников. В один из ясных дней в составе колонны Рагузов вез со станции сборные дома для первой совхозной улицы. Неожиданно начался необычайной силы буран, длившийся потом несколько суток. Колонна остановилась. Василий решил идти за помощью. Пошел один, заблудился и погиб. Это был мужественный, огромной воли человек. Вот письмо, найденное у него в кармане:

«Нашедшему эту книжку! Дорогой товарищ, не сочти за труд, передай написанное здесь в г. Львов, ул. Гончарова, 15, кв. 1, Рагузовой Серафиме Васильевне.

Дорогая моя Симочка! Не надо слез. Знаю, что будет тебе трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь — ни конца ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сыновей так, чтобы они были людьми. Эх, жизнь, как хочется жить! Крепко целую. Навеки твой Василий».

Сознавая, что погибает, он сделал приписку — уже коченеющими, замерзающими пальцами:

«Сыновьям Владимиру и Александру Рагузовым. Дорогие мои деточки, Вовушка и Сашунька! Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел, чтобы вы продолжили мое дело. Самое главное — нужно быть в жизни человеком. Целую вас, дорогие мои, крепко. Ваш папа».

Письмо это, казалось бы, имело сугубо личный, семейный адрес. Но стало оно обращением ко всем живущим. Когда мне показали листки с расплывшимися буквами, когда разобрал их — перехватило горло. Позвонил журналистам, посоветовал, получив согласие жены, напечатать это письмо. Опубликованное в газете, оно вызвало десятки тысяч откликов по всей стране. Новые отряды добровольцев двинулись на целину, чтобы довести до конца дело, которое начали Василий Рагузов и подобные ему мужественные люди. Сопка, близ которой погиб Василий, названа теперь его именем.

Нынешняя карта Казахстана свидетельствует: целину действительно осваивала вся страна. Ее география отражена в самих названиях совхозов — «Московский», «Ленинградский», «Минский», «Киевский», «Днепропетровский», «Армавирский», «Полтавский», «Тагильский», «Сочинский», «Пермский», «Ярославский», «Воронежский»... Помимо казахов, коренных жителей степи, во многих хозяйствах можно было встретить представителей разных национальностей. Целина стала подлинной школой интернационального воспитания, вместилищем мудрого опыта, трудовых навыков и решимости представителей всех народов нашей страны победить!

Новые земли всегда обживались новыми людьми. Но тут была одна особенность. Мы далеко ушли от времени первых пятилеток, когда на Магнитку, Турксиб, Днепрогэс или в Комсомольск-на-Амуре добровольцы приезжали с пилой да лопатой. Целине нужны были в первую очередь трактористы, электрики, шоферы, механики, строители, таких квалифицированных специалистов и присылали к нам из многих республик, краев, областей — они стали костяком новых хозяйств.

Люди растили хлеб на земле — земля растила людей. Целина, образно говоря, дала богатейший урожай тружеников, патриотов, мастеров своего дела. Но прибывшие со всех концов страны со своими особенностями, характерами, опытом, пристрастиями — сами собой они в коллективы не складывались. И здесь необходимо сказать хотя бы кратко о методах партийной, организаторской и идеологической работы,

которые приходилось нам искать. Вся деятельность партии на целине являла собой пример огромной, новаторской и выдающейся по своим результатам эпопеи.

Обстановка ее более всего напоминала политработу в дни большой наступательной операции. Для меня эти первые месяцы обернулись бесконечными поездками, сотнями встреч, коротких знакомств, когда и людей нельзя было надолго отрывать от дела, и у меня не хватало времени, потому что постоянно надо было двигаться дальше, потому что все время тянуло «на передовую». Хотелось всюду поспеть, быть в десятке мест сразу, что, конечно, было невозможно, но почему-то все-таки получалось, и суть партийно-политической работы состояла тогда в том, чтобы сплотить огромную массу людей, вооружить их конкретной программой действий и ясным сознанием общей цели.

Помню, в машине, в пеших переходах по степи, ночью в палатках, вечером у костра повторял я партийным секретарям одно и то же. Говорил примерно так: пусть чаще собирают коммунистов, надо им прежде всего познакомиться, обсудить обстановку, узнать цену друг другу. А уж тогда они поведут за собой людей.

— Негде проводить партсобрания,— возражали мои собеседники.

— Необходимо,— настаивал я.

— Больно критики много,— говорили некоторые.— Того нет, этого не завезли... Знаете, как поначалу бывает.

— Ничего,— приходилось отвечать.— Если мы будем помалкивать, лучше от этого не станет. А соберутся люди, поспорят, выложат все в открытую и, глядишь, выход подскажут. В следующий раз доложите им, что сделано. Народ съехался отовсюду, люди разные — тут главная сложность. Но есть и преимущество — настоящее, трудное дело, в котором человек раскрывается быстро.

Все силы уходили в первую весну на то, чтобы раскрутить, пустить в действие огромную машину, и некогда было остановиться, отдохнуть.

А потом пришел долгожданный и все-таки неожиданный большой хлеб целины.

6

Никогда не забуду первой целинной осени 1954 года. В одном из совхозов Рузаевского района Кокчетавской области при встрече мне поднесли сноп целинной пшеницы «акмо-

линка». Невозможно передать чувств, которые я испытывал, держа в руках этот сноп. Многое вспомнилось в ту минуту — первые планы и замыслы, бессонные ночи, споры, эшелоны с людьми, тракторные поезда по вьюжному бездорожью, первые костры в степи и первые борозды. И вот она перед глазами, сбывшаяся мечта — степь от края до края желтела пшеницей... Вспомнилась горстка самых первых целинников, вскоре после революции основавших в этих краях земледельческие коммуны. В. И. Ленин, напутствуя рабочих Обуховского и Семянниковского заводов, решивших поехать в Казахстан, писал в записке народному комиссару земледелия: «Почин прекрасный, поддержите его всячески».

Первые коммуны в приишимской степи имели радостные названия: «Луч революции», «Свет правды», «Путь новой жизни». Но как слабо оснащены были эти маленькие поселения на целине. Коммуна «Луч революции», например, имела четыре быка, одиннадцать коров, одну лобогрейку, одну сенокосилку, четыре бороны, восемь телег, четыре жилых дома и сарай. Какая же нужна была воля и вера в победу, чтобы уже тогда заявить: «Ты подчинишься нам, степь! Ты станешь нашей кормилицей!» И вот теперь уже не крохотные островки, а пшеничный океан разлился в степи. Ковыльная древняя равнина становилась крупной житницей государства. Это был первый результат первого года целинной страды.

Пшеничное море разлилось по степи, ветер гнал тяжелые волны, солнце золотило их, настроение у всех было приподнятое. Однако сколько же сил надо было еще приложить, чтобы взять уродившийся хлеб!

Сейчас на казахстанской целине построена мощная сеть крупных элеваторов и зернохранилищ. А тогда все имеющиеся емкости не превышали трех миллионов тонн, включая примитивные мелкие склады и всевозможные глинобитные конурки, которым целинники дали в ту осень имя — «собачники». Хлеб надо было убрать, сохранить, вывезти во что бы то ни стало. Особенно трудное положение сложилось на дорогах, на станциях, в узловых пунктах перевалки зерна.

Расскажу хотя бы об одном эпизоде тех дней. На этот раз в Атбасар я прилетел вместе с Николаем Ивановичем Журиным, первым секретарем Целиноградского обкома. Уже на летном поле встречавшие стали тянуть нас в совхозы, на поля, чтобы, как говорили они, порадовать урожаем. Больно уж горячи были эти приглашения, а о местном пункте заготзерна — никто ни слова. Разумеется, мы решили начать именно с него. Кто-то остерег:

— Нельзя вам туда. Шоферы разорвут, ей-богу! Машин скопилась тьма, по двое суток ждут разгрузки.

— Ну, это еще не страшно,— сказал я.— Вот были мы на станции Колутон, так там действительно беда: хлеба полно, а машин не хватает.

Подъехали к пункту. Он располагался в километре от железной дороги. Был ясный осенний день. Среди рыжей, выгоревшей степи на окраине города стояли сотни автомашин, груженных зерном. Их хвост растянулся больше чем на километр. А сам приемный пункт напоминал кишащий муравейник. В клубах пыли урчали и фыркали грузовики, пробираясь к центру двора, к буртам зерна. Тут же, рядом, грохотала стройка — возводился новый элеватор. Старый, небольшой, был засыпан зерном до отказа. Сотни людей стояли без дела. Лишь десятка два женщин лопатами насыпали хлеб в мешки, и грузчики исчезали с ними в низеньких мазанках — туда ссыпали семенное зерно. Машины разгружались только вручную, всего в двух-трех местах.

Я подошел к одной из них, взял из кузова горсть зерна. Им невозможно было не любоваться: литые тяжелые зерна золотились в ладонях — чудо, а не пшеница!

Тотчас нас окружили шоферы. Все потонуло в невообразимом шуме. Водители кричали, что простаивают сутками, ночуют в кабинах, негде перекусить, отмыться от пыли. Но это еще куда ни шло, а главное — в степи скопились горы зерна, лежат под открытым небом, пропадет хлеб! Я дал им выговориться, потом сказал:

— Здорово же вы встречаете гостей...

Не знаю, то ли спокойствие, то ли улыбка подействовали, но шоферы умолкли: в самом деле, напали на человека, а надо же его и выслушать.

— Не волнуйтесь, товарищи,— продолжал я, сам еще не зная, что предприму.— Что-нибудь придумаем. Даю слово, пробку эту мы рассосем.

Обещать-то пообещал, но что же придумать? Мы обошли территорию заготпункта, осмотрели строящийся элеватор, который мог быть готов не раньше следующей осени, заглянули и в «собачники». А по пути я все время смотрел на огромный пустырь между приемным пунктом и станцией, на так называемую полосу отчуждения. Пустырь был завален всяческим хламом — ржавым металлоломом, обломками железобетона, мусором. Все это в невообразимом хаосе торчало из желтых высохших бурьянов, покрытых слоем многолетней пыли.

— Чья территория?

— Железной дороги.

Попросил пригласить начальника отделения дороги. Он пришел быстро, представился: Перменов Байзак Перменович. Это оказался толковый, дельный человек, знающий специалист, любивший к тому же шутку, потому что добавил:

— Имя прошу не путать. А то многие на слух не воспринимают и зовут меня Бальзаком. Но я не писатель, а путеец, и не француз, а чистокровный казах.

Вопрос предстояло решить сложный, я попросил найти кого-нибудь из старых хлебозаготовителей.

— Искать не надо,— сказал Перменов.— Вот он, рядом стоит — Сименков Никанор Георгиевич. Строит теперь новый элеватор, а был начальником областного управления хлебозаготовок. Профессор в этом деле.

Присели небольшой группой на краю пустыря. Районных руководителей я хорошо знал, новым человеком был для меня начальник заготпункта по фамилии Повлияненко. Перебросился с ним несколькими словами, узнал, что он фронтовик, бывший моряк. А первый вопрос задал путейцу:

— Сколько нужно дней, чтобы очистить этот пустырь и протянуть к нему железнодорожную ветку?

Перменов что-то прикинул в блокноте и сказал:

— Сутки — на очистку, два дня — протянуть колею.

— Мало просите. Будем считать, пять дней... Сколько хлеба сдаст район?

Ответил Журин:

— Сюда свозит зерно не один район. Сильно подпирает урожай, везут свой хлеб и Есильский, и Балкашинский, и Кургальджинский. Словом, Атбасару придется принять и отправить три миллиона пудов. Это самое малое.

— Понятно...— Я повернулся к заготовителю.— Сможем пропустить весь хлеб через эту площадку?

— Вообще-то можно,— ответил он.— Но только очистить землю мало. Это будет нарушение инструкции, да и просто бесхозяйственность.

— А что нужно?

— Вспахать, прикатать, утрамбовать. Обязательно нужна и дезинфекция. Если по правилам, кладите дней десять.

— Никанор Георгиевич, у вас же огромный опыт. Неужели нет других способов?

— В жизни всяко приходилось выкручиваться,— сказал Сименков.— Не без того... Можно выжечь площадку. Натащить соломы и выжечь дотла. Земля прокалится и станет твердой, как печной под.

— А дезинфекция?

— Огонь все вычистит.

— Вот вам и выход из положения!

Помолчали. Казалось, все обговорено. Но тут вступил в разговор начальник заготпункта:

— Нет, Леонид Ильич, не согласен. Какая разница, где быть хлебу? В степи он лежит под открытым небом и у меня будет под открытым небом. Брезентовый полог на такие бурты всем районом не сошьешь. Погубим зерно!

— Вагонами мы вас поддержим крепко, это я беру на себя.

— А это,— он ткнул рукой в небо,— тоже берете на себя?

Жара в ту осень стояла изнуряющая, солнце, казалось, висело неподвижно, вверху ни облачка, и прогнозы были обнадеживающие. Но кто мог поручиться, что не хлынут дожди?

— Вы знаете,— сказал Повлияненко,— что принимать хлеб на открытые площадки категорически запрещено. Я такую ответственность взять на себя не могу.

Легче всего было упрекнуть его в формализме, перестраховке. А мне этот хмурый человек понравился. «Будет сделано!» — с готовностью отвечали иные и ничего потом не делали. (Об одном таком товарище, который на все твердил: «Зроблю!» — я еще расскажу.) А Повлияненко действительно должен был принять горы хлеба, и отвечать за него персонально будет именно он. Беспокойство чувствовалось и у других товарищей: вам, мол, хорошо, распорядились и отбыли, а нам-то каково? Погоде не прикажешь, эшелоны не в нашем ведении, да и будут ли они?

— Ладно, давайте разбираться,— сказал я.— Оставить хлеб в глубинках — значит наверняка его погубить. Складов там нет, и когда начнется бездорожье, ударят морозы, мы его уже не вывезем. Пропадут эти миллионы пудов, подорвем веру в целину, люди нам скажут: болтуны вы, а не руководители! И будут правы. А тут дорога, станция, подвижной состав, тут тысячи людей, которые в случае нужды придут спасать зерно. Бросим сюда, если надо, солдат, студентов, рабочих — перелопатят, погрузят, помогут. Неужели вы, Иван Григорьевич, не видите разницы, где надежнее быть хлебу — в степи или в городе?

— Все помогут,— сказал Повлияненко.— А под суд идти мне одному.

Стало очевидно, что товарищ не верил в мои слова, в то, что ему окажут реальную помощь. И все же не хотелось его обижать, а вот задеть самолюбие следовало.

— В старину говорили: каков человек на войне, таков и на гумне. Что же вы, на фронте не терялись, а тут? Ведь и в мирное время иногда приходится крикнуть: «Полундра!» В конце концов, мы могли бы и спросить с вас: разве не знали раньше, что будет выращен большой целинный хлеб, почему же за полгода к этому не приготовились, не сделали даже того, что в ваших силах? Ну, хорошо. Допустим, и мы виноваты, разделим грех пополам. Но вот за эту площадку мы с вас спросим, и строго! Чтобы все до зернышка ушло отсюда на элеваторы, где хлеб смогут переработать и сохранить. Мы вместе с вами будем отвечать за этот бесценный хлеб.

Разговор окончился взаимными обязательствами. Иван Григорьевич так же хмуро, без громких слов и восклицаний сказал, что сделает все возможное, что от него зависит. Ему можно было верить. Потому что, скажу честно, упрямая неуступчивость этого человека заставила меня, да и всех нас, понять важность предпринимаемого шага, еще раз основательно взвесить его и обдумать. И я, в свою очередь, пообещал глаз не спускать с этой станции.

Возможно, кто-нибудь скажет, что это все не дело для секретаря ЦК такой огромной республики: слишком мал, так сказать, масштаб. Некоторые товарищи и тогда считали, что вряд ли следует мне самому вникать в массу мелочей вплоть до того, что заглядывать в котлы целинных бригад. Не снижает ли это ответственность низовых руководителей? Скажу на это, что никакие бумаги, никакие телефонные звонки не заменят встреч с людьми и знания жизни. К сожалению, не раз мне приходилось убеждаться, что всякого рода рапорты, идя по инстанциям снизу вверх, имеют свойство искажаться. Притом всегда в одну сторону — в сторону облегчения, сглаживания острых углов.

Одного «кабинетного» руководства мало, надо постоянно общаться с народом, выезжать на места, видеть своими глазами и успехи, и возникающие трудности, а когда есть нужда, оперативно вмешиваться. Поспорив с людьми на такой степной станции, посидев с трактористами у бригадного котла, очень многое поймешь и многому научишься. Учиться же всегда полезно, а когда такие крупные операции, как подъем целины, только еще разворачиваются, совершенно необходимо.

Вдобавок случаи, подобные тому, о котором рассказано, не остаются просто эпизодами. Нередко они ведут к крупным обобщениям. Вернувшись в Алма-Ату, я вынес вопрос о хлебозаготовках на Бюро ЦК, и было принято соответствующее решение. Связался с заместителем министра путей сообщения СССР Н. А. Гундобиным, рассказал ему об остроте проблемы. Он в ту пору почти все время сидел на целине, возглавляя, по существу, главный диспетчерский пункт в Целинограде. Денно и нощно следил за продвижением грузов, за оборотом вагонов и на наши просьбы откликался достаточно быстро. Так что круги от «мелкого» эпизода разошлись, можно считать, по всей целине.

Вернусь к эпизоду в Атбасаре. Жара в тот год была изнуряющая. Кто-то после заготпункта предложил пойти всем на речку ополоснуться. Но, конечно, и на берегу разговор опять пошел о делах. Руководителям района я заметил:

— Несмотря на большие трудности, ваш район по хлебосдаче может выйти в передовые. Для этого есть все возможности.

Я постоянно следил за тем, что происходит на атбасарском заготпункте. Пришлось попросить министра заготовок республики срочно выехать для практической помощи в Атбасар. Звонил туда часто, спрашивал, сколько принято зерна, сколько отгружено, какая требуется помощь. Бесценный хлеб был полностью сохранен, и позже, когда атбасарцы — а они таки выступили инициаторами сверхплановой сдачи — выполнили свои обязательства, когда «Правда» дала обстоятельную статью об их почине (хорошем, дельном почине), то, скажу по чести, ощутил я глубоко личную причастность к успеху механизаторов, райкомовцев, заготовителей, путейцев. А это дорогого стоит.

В 1954 году впервые в своей истории Казахстан засыпал в закрома Родины почти 250 миллионов пудов зерна — на 150 миллионов больше, чем в самые благоприятные до этого годы. И все мы, целинники, испытывали подлинное счастье от этой победы.

7

С осени 1954 года наступление на целину развернулось в еще более широких масштабах. Плюс к созданным 90 новым совхозам предстояло создать еще примерно 250. И во сколько раз совхозов становилось больше, во столько раз увеличивались наши заботы.

Однако к этому времени у партийной организации республики уже не только накопился опыт текущей работы на целине, но и вырисовывалась довольно четкая программа действий, рассчитанная на длительную перспективу. Многие черты современного облика сельского хозяйства Казахстана, его отраслевая структура и основные направления развития были определены и начали все отчетливее просматриваться уже тогда, почти четверть века назад.

Что особенно волновало нас в ту пору, какие вопросы решались в первую очередь, как шла борьба за претворение в жизнь наших замыслов — об этом частично рассказывается в моей книге «Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных земель Казахстана». Не повторяясь, отмечу лишь основные линии, программные задачи тех лет:

путем освоения целинных и залежных земель, а также повышения урожайности на старопахотных землях сделать зерновую отрасль главной отраслью сельского хозяйства Казахстана, увеличить здесь производство зерна в сравнении с прежним периодом не менее чем в десять раз и превратить таким образом республику в новый крупнейший в стране район зернового производства;

выработать и постепенно внедрить на целине научную систему земледелия, максимально приспособленную к сложнейшим природно-климатическим условиям зоны, сохраняющую и умножающую естественное плодородие здешних земель;

создавая крупнейшие в стране зерновые совхозы, построить в каждом из них все необходимое — как хорошо оснащенные производственные объекты, так и благоустроенные поселки городского типа с полным комплексом социально-культурных и бытовых услуг. Полностью реорганизовать, расширить и перестроить по типу новых хозяйств все старые совхозы и колхозы республики;

в кратчайшие сроки связать территории целинных областей сетью железных, магистральных шоссейных, а также межсовхозных дорог, проложить линии электропередачи, телеграфной, телефонной и радиосвязи, построить в узловых точках крупные элеваторы, заводы по выпуску и ремонту сельхозмашин, десятки других предприятий — и тем самым превратить Северный Казахстан в высокоразвитый экономический район, действующий как единый хозяйственный организм;

на основе роста зернового производства, использования его отходов, за счет резкого увеличения посевов кормовых

культур, в частности кукурузы, а также путем повышения урожайности сеяных трав и улучшения сенокосных угодий коренным образом укрепить кормовую базу и обеспечить быстрое развитие животноводства. В перспективе производство всех видов продукции этой отрасли увеличить не менее чем в два раза;

на юге республики с помощью мелиорации интенсивно развивать рисосеяние, хлопководство, свекловодство, овощеводство, садоводство и виноградарство.

Эта программа была нелегкой. Осуществлять ее также приходилось не по частям, а всю сразу. И, конечно, надо было представлять все трудности, с которыми мы встречались тогда и должны были встретиться в будущем. Нашей верой и энергией очень важно было зажечь всех, с кем доводилось тогда работать.

Возьмем животноводство. Довольно многие товарищи, все прикрывая борьбой за хлеб, упускали другие важные отрасли сельского хозяйства из поля зрения.

Мы решительно взялись за перестройку организации, например, животноводства. Бывало, меня даже упрекали за то, что слишком часто повторяю однажды уже сказанное: мол, и так все ясно, зачем говорить об одном и том же? Ясно-то ясно, но дело двигалось медленно, а то и вовсе стояло на месте. Больших усилий потребовало, например, внедрение кукурузы, культуры для Казахстана практически новой. Мы намеревались выращивать ее и на зерно, но большую часть посевов предназначали для зеленой массы. У местных товарищей это вызывало глухое сопротивление: как же так, выращивать на пашне «траву»? Снова и снова надо было спорить, убеждать, показывать практически, как сеять кукурузу, обрабатывать, убирать, силосовать.

Ценность этой культуры была хорошо мне известна по Украине и Молдавии, однако, не будучи агрономом, решил лишний раз посоветоваться. Написал письмо своему другу, знаменитому «кукурузному чародею» М. Е. Озерному в село Мишурин Рог Днепропетровской области. Вскоре от Марка Евстафьевича пришел ответ с ценнейшими советами, прислал он по моей просьбе и семена сортов, пригодных для засушливого Казахстана. Дело сдвинулось, но не раз еще мы выносили этот вопрос на Бюро ЦК, проводили семинары по кукурузе.

Пробные посевы первой весны удались, и в 1955 году мы заняли под эту культуру уже 700 тысяч гектаров. Животноводческое хозяйство пусть не быстро, но тоже начало

двигаться в гору. И помогла нам в этом, как и в других делах, именно последовательность. На республиканском активе в марте 1955 года я говорил:

— Есть такие вопросы, к которым приходится возвращаться снова и снова. О чем это свидетельствует? Я думаю, с одной стороны, о насущной важности данной задачи, с другой — об огромной сложности ее решения. Настойчивое обращение к таким проблемам — это лишнее доказательство серьезности наших намерений. Мы и впредь будем последовательно, без шараханий и колебаний бить в одну точку, добиваясь воплощения наших идей в жизнь. Нет никакого сомнения в том, что настанет время, когда эти проблемы будут сняты с повестки дня. И тогда — это мы тоже прекрасно понимаем — возникнут новые вопросы, новые задачи, еще более масштабные и величественные.

До некоторых товарищей это не доходило. Первый хлеб целины казался им едва ли не концом всей нашей работы. Они почуяли возможность передышки, затеяли «кадровую кадриль», взялись выдвигать работников на повышение. Не хочу сказать, что те этого не заслужили. Напротив, я помню и глубоко уважаю первых целинных директоров совхозов, они немало вынесли на своих плечах, многие выросли потом в крупных организаторов производства. Но в тот момент рано еще было срывать людей с места.

Вдруг обращается ко мне один из них, Федор Трофимович Моргун, с претензией, какую не назовешь обычной: ему предлагают более высокий пост, а он не хочет, отбивается руками и ногами. Говорить подробно об этом человеке мне нет надобности, потому что впоследствии он сам все описал в книге «Думы о целине». Совхоз его тоже был из лучших, часто ставился у нас в пример, вот и взялись рекомендовать директора председателем райисполкома. Казалось бы, честь, а ему обидно до слез: только развернул хозяйство, сросся с людьми, наметил план превращения совхоза в настоящую фабрику дешевого зерна, а тут надо все бросить. Пришлось мне лично вмешаться, и вот что было сказано по этому поводу на большом совещании:

— Мы не можем согласиться с решением бюро Кокчетавского обкома партии о переводе, хотя и с повышением, на другую работу директора совхоза «Толбухинский» Моргуна. Не надо торопиться переставлять людей с места на место. Им необходимо помочь построить совхозы, освоить систему земледелия с учетом местных почвенно-климатических особенностей, дать возможность успешно закончить начатое дело

и только после этого при необходимости выдвигать на более высокие посты.

Другой пример. Евдокия Андреевна Зайчукова приехала на целину, когда ей было уже под пятьдесят. Но сохранила в себе молодой задор, волю, крепкий характер, а главное, имела горячее сердце коммуниста и патриота. Глубоко осознанное стремление сделать для страны самое нужное, важное и полезное привело ее к нам, дало ей силы создать в степях совхоз «Двуречный». Вскоре и эту женщину взяли на повышение, но, поработав на новом месте, она написала такое заявление:

«Убедительно прошу членов районного комитета партии освободить меня от работы первого секретаря райкома. Прошу это потому, что считаю: в оставшиеся годы жизни смогу принести больше пользы партии и всем людям на конкретной хозяйственной работе. Прошу направить меня в отстающий совхоз и обязуюсь вместе с коммунистами и всеми рабочими вывести его в число передовых хозяйств Целиноградской области».

И она сдержала слово: совхоз «Ижевский» вышел при ней на одно из первых мест. Семнадцать лет жизни отдала Евдокия Андреевна новой, полюбившейся ей земле. А когда умирала, попросила пришедших в больницу друзей только об одном:

— Не ставьте никакой ограды на моей могиле, не отделяйте меня от степи...

Такие люди — золотой фонд, гордость партии и народа. И мы особо оберегали их. Без ведома ЦК Компартии Казахстана никто не имел права перемещать по службе руководителей совхозов, а тем более освобождать их от работы. На моей памяти пришлось сменить не более десятка директоров, которым целинная ноша оказалась не по силам. Той же политики придерживались и в отношении других кадров: активно поддерживали лучших, проявляли терпение к способным и решительно освобождались от людей явно бесперспективных, инертных.

Большой хлеб привлек общее внимание к целине, в печати зазвучали победные ноты, стало привычным нас хвалить, поздравлять, но мы понимали, что расслабляться нельзя. Рано почивать на лаврах. Партийная организация Казахстана хорошо сознавала, что необходимо было спешить со строительством элеваторов, складов, срочно выводить людей из палаток, землянок,— это становилось все более тяжелым участком, узким местом.

Буквально все надо было возводить па голом месте. А из чего? Будь лес кругом, вопрос бы не возникал. Правда, на целину поступали сборные дома и стройматериалы, но их не хватало. Замыслы наши опережали возможности, и, конечно же, следовало максимально использовать местные ресурсы. Между тем далеко не все проявляли расторопность и сметку.

Приезжаешь, бывало, в райцентр, спрашиваешь: как идет строительство? Отвечают: плохо. Почему? Нет кирпича. Идем, однако, с секретарем райкома по улице и видим массивные здания с датами на фронтонах — 1904, 1912 год... А заводов кирпичных в этой местности, мне точно известно, не было и нет.

— Кто строил эти здания?

— Земство.

— Откуда же брали кирпич?

— А вон там, в степной балке, сделали напольную печь и выжигали. Из него и эта школа построена...

— Значит, земство могло все организовать, а вы, райком и райисполком, не можете? Какие же мы, с позволения сказать, руководители? Глины кругом полно, делайте напольные печи, а кое-где и заводики стройте, они вам на сто лет вперед пригодятся.

— Ну, завод — это слишком, нам не по силам...

Разозлишься: до чего же доводит людей пассивность!

Под Москвой, в Барвихе, обратил я однажды внимание на великолепный кирпичный за́мок — в нем размещался пионерский лагерь. Поинтересовался, что за постройка. Отвечают: имение какой-то баронессы. Как же строился замок? Говорят, очень просто. Построила барыня кирпичный завод, из кирпича соорудила себе этот загородный дом и все надворные службы, затем продала завод и полностью покрыла все расходы по строительству. Разумеется, не сама она все сообразила, а был у нее толковый управляющий. Вот так. А у нас порой и поныне целые коллективы, опытные руководители, инженеры, строители, замахиваясь на грандиозные дела, не могут построить простой кирпичный завод, все уповают на государство, едут в Госплан.

На целине под мастерские МТС нам, помню, пришлось позаимствовать у некоторых старых конезаводов добротные здания конюшен, построенные из того же напольного кирпича. Когда рассказывал об этом людям, когда удавалось их пронять, пристыдить, то, глядишь, толковые хозяйственники налаживали свое кирпичное производство. Потом спасибо говорили: как же мы раньше-то не додумались!

К местным строительным материалам принадлежал и камыш. Узнав, что инициативные люди уже построили себе добротные дома из камышитовых плит, я поехал взглянуть и вполне остался доволен этим жильем — дома как дома, в первые годы неплохо послужат. Значит, надо организовать заготовку камыша в больших масштабах, наладить из него производство плит. Посмотрел карту республики, где были отмечены заросли камыша, и решил сам взглянуть на них в натуре. Над долиной реки Или пролетел до самого Балхаша. С высоты ста метров увидел сплошные камышовые джунгли!

Скоро всюду, где рос камыш, мы организовали его заготовки — по берегам рек, на многочисленных степных озерах. Заводы быстро изготовили простые, удобные и производительные станки, которые камыш дробили и спрессовывали в плотные плиты. Из этих плит можно было собирать здания любой конфигурации. Их затем штукатурили, белили, и получались отличные теплые дома. Попробовав это дело, мы провели в одном из колхозов под Алма-Атой республиканский семинар по камышитовому строительству.

Проблемам строительства ЦК КП Казахстана придавал первостепенное значение. Сохранилась наша записка в ЦК КПСС о том, чем располагала республика, когда приступала к покорению целины. Силы были разобщены, более тридцати маломощных строительных организаций подчинялись разным министерствам и ведомствам. Все вместе они имели 59 бетономешалок, 6 башенных кранов, 58 транспортеров, 5 автопогрузчиков и всего 5,7 тысячи рабочих. Чтобы выполнить новые планы, людей должно было быть по меньшей мере в десять раз больше!

Со строительным материалом было, конечно, трудно нам, особенно с кирпичом для стройки. Я обратился к руководителям ряда наших республик. И надо сказать, что нам хорошо помогли: кирпич пошел из Армении, Грузии, Эстонии и многих других мест. Словом, мы решали эти возникавшие проблемы, и решали успешно.

8

Осенью 1954 года состоялся съезд писателей Казахстана. Он стал крупным событием в культурной жизни республики.

Мне и до этого приходилось заниматься делами, связанными с национальной культурой. Еще в Молдавии понял: если живешь в республике, то надо знать обычаи и традиции

народа, его историю, художественное творчество. Сразу по приезде в Алма-Ату обложился книгами, часто встречался с казахскими литераторами и художниками, бывал в театрах. По давней склонности к поэзии много читал стихов казахских поэтов, особенно Абая, который привлек меня лиризмом, народной мудростью, глубиной постижения жизни. Абай учил казахский народ не замыкаться, не стоять на месте, обогащать свое творчество достижениями русского и других народов. Это важно и для нашего времени. Всякая национальная культура, замкнутая в себе, неизбежно проигрывает, теряет черты общечеловечности. К сожалению, не все и не всегда это понимают.

Социализм давно доказал: чем интенсивнее рост каждой из национальных республик, тем явственнее проявляется процесс интернационализации. Казахстан тому, быть может, самый яркий пример. Целина сделала его без всякого преувеличения «планетой ста языков». И казахская культура развивалась, вбирая в себя лучшее из других национальных культур. Плохо это или хорошо? Мы, коммунисты, отвечаем: хорошо, очень хорошо! Ибо важнейший вопрос о национальных традициях и самобытности нельзя упрощать, сводить лишь к этнографии и бытовизму: на Руси — к избам, хороводам и кокошникам, в Казахстане — к юртам и табуну лошадей.

Мы в ЦК старались оказывать постоянную помощь творческой интеллигенции. Как ни трудны были дела целины, именно в это время появился Казахский государственный ансамбль песни и танца, возобновлен был выпуск газеты «Казах адебиети», широко развернулась подготовка к декаде казахской литературы и искусства в Москве. Не обошлось без споров, кое-кто делал упор лишь на устное творчество акынов. Между тем в литературе республики происходили глубокие качественные изменения, обусловленные самим ходом социалистического строительства, ростом казахской художественной интеллигенции. Появилась талантливая молодежь, знавшая и любившая не только старые традиции и песни, но и всю советскую, мировую литературу. Это были люди, свободные от рутины, и надо было их поддержать. Однако главное — следовало оздоровить саму атмосферу в творческих союзах, в среде интеллигенции. Требовалось сплотить ее, объединить все силы для решения огромных задач, вставших перед республикой.

Замечу, что поборники национальной обособленности под предлогом защиты «чисто национальных традиций» обычно выступают изворотливо, редко в открытую. Напротив, ловко

пользуясь любыми ошибками противников, они хотят выглядеть, как говорится, святее папы римского. Помню, какой шум был поднят вокруг роли некоего Кенесары. Вначале объявили его прогрессивным деятелем, выступавшим за объединение Казахстана с Россией. Потом нашли документы, показывавшие, что был он реакционер и объединения не одобрял... Не хочу ворошить старую историю, да и специалистом в этой области себя не считаю, а волновало меня другое. Баталии, которые навязывали некоторые демагоги, привели к тому, что из республики были вынуждены уехать такие выдающиеся люди, как писатель Мухтар Ауэзов и академик Каныш Сатпаев.

Мы помогли им вернуться в Алма-Ату. Замечательному ученому Канышу Имантаевичу Сатпаеву принадлежат громадные заслуги в развитии производительных сил Казахстана. Мухтар Омарханович Ауэзов — признанный классик казахской литературы. С благодарностью вспоминаю этих людей, с которыми часто встречался, тесно сотрудничал и просто по-человечески дружил. В беседах мы говорили о том, что любые крайности вредны. Забывать устное творчество, любимое народом, тоже нельзя. «Ленинградцы, дети мои!» — эти крылатые строки Джамбула памятны всей стране. Пусть творчество акынов живет и развивается в общем русле национальной казахской и многонациональной советской литературы.

Занимала меня еще одна мысль: как привлечь к теме целины внимание художественной интеллигенции? Посмотрите, говорил я на встрече с писателями в ЦК, какие события творятся на наших глазах. Перемещаются огромные массы людей, складываются многонациональные коллективы, рождаются новые семьи, мужают характеры, проходят закалку герои нашего времени. Хлеб в Казахстане всегда был лакомством, драгоценностью. Даже муллы в старину говорили: «Коран — священная книга, но можно наступить на Коран, если надо дотянуться до крошки хлеба». И вот теперь этот край становится хлебным. Меняется весь уклад жизни, зарождается новая психология у людей. Разве величие и драматизм происходящего не взволнуют истинного художника? Нас никто не поймет сейчас, не поймут и в будущем, если эта эпопея не будет ярко запечатлена для истории.

В той обстановке важно было, чтобы съезд писателей республики стал праздником всей советской культуры. Мы пригласили в Алма-Ату М. А. Шолохова, Л. М. Леонова, Камиля

Яшена, Мирзо Турсун-заде, Максима Танка и других известных писателей. Частыми гостями целины стали после этого композиторы, актеры, художники, публиковались очерки и повести о битве за хлеб, вышли кинофильмы, ставились спектакли, звучали новые песни. Они, несомненно, сыграли положительную роль.

В ту пору я мечтал, чтобы целинная эпопея когда-нибудь была отображена в художественных произведениях с такой же силой и глубиной, как гражданская война в «Тихом Доне», а в «Поднятой целине» — коллективизация. Для деятелей литературы и искусства нет более интересной и вдохновляющей задачи, чем отображать подвиги народа, в том числе на целине.

9

1955 год называли «годом отчаяния» на целине. Но я бы не прибегал к столь крайней оценке, хотя было очень тяжело. За все лето, начиная с мая, на землю не упало ни капли дождя. Не дождались мы и обычных, идущих как по расписанию июньских дождей. Надо было готовиться к худшему.

Кто не бывал в такое время в степи, тому не понять душевного состояния хлебороба. Испытываешь странное ощущение: весной в степи порой разливалось сплошное море воды, люди до своих бригад добирались на лодках. Но сошли вешние воды и — как отрезало. С утра раскаленное солнце начинало свою опустошительную работу, медленно плыло в белесом, выцветшем небе, излучая нестерпимый зной, а к вечеру, малиново-красное, тонуло в мутной дымке за горизонтом. И снова, почти не дав роздыха, вставало на следующий день, продолжая жечь все живое. И так неделя за неделей, месяц за месяцем...

Между тем посевные площади по сравнению с прошедшим годом мы увеличили вдвое. Почти десять миллионов гектаров зерновых было посеяно на вновь освоенных землях. Сверх плана заняли полтора миллиона гектаров под яровые. И сев провели быстрее, дружнее, лучше, чем в первую весну. Республика за один год сделала в земледелии огромный шаг вперед, люди уже начали зримо ощущать результаты своей работы и продолжали напряженно трудиться, еще не зная, что их подстерегает беда...

Мы знали, конечно, что жара и сушь в этом краю никому не в диковинку. Но не знали еще зловещей неумолимости

степного календаря, который раз в десять лет преподносит особенно жестокие, губительные засухи. Мы предвидели — еще до начала наступления,— что борьба со стихией здесь неизбежна. Когда делались экономические расчеты по освоению целины, ученые считали: если даже на каждое пятилетие падет по два сильно засушливых года, то в среднем мы все равно будем брать в степи 500 миллионов пудов хлеба в год. Расчеты не вызывали сомнений. Мы знали, на что шли, но одно дело — знать, а другое — видеть, как на твоих глазах гибнет драгоценный, таким трудом доставшийся урожай.

Как ждут в эту пору люди дождя! Нервное напряжение достигает предела. Иногда выскакивают из домов ночью, услышав, как что-то шуршит по стеклам. «Дождь!» Но это стучат не капли, а бьют по окнам и крышам песчинки, гонимые сухим ветром.

В степи трудно дышать. Горячий, как из печки, воздух обжигает легкие. Как и в большие морозы, не летают птицы. Сохнут и опадают, рассыпаются в пыль листья растений. Земля покрывается глубокими трещинами — такими, что может исчезнуть брошенный туда лом. Огромные массивы пшеницы сереют, белеют на глазах, шелестят пустыми, не успевшими налиться колосьями. А в довершение всего вдруг возникают горячие бури, они поднимают тучи пыли, рвут линии связи, срывают крыши домов.

Можно понять боль хлебороба, когда он видит, как беспощадно уничтожаются, гибнут плоды его годового труда, все его усилия и надежды. И надо обладать сильным духом и крепкими нервами, чтобы выдержать это испытание. Даже сознание того, что в следующем сезоне степи должны вернуть потерянное, не очень помогало: урожай всегда хочется получить сегодня, сейчас.

Не хочу упрощать ситуацию, приукрашивать то, что было. В те месяцы к нам в ЦК стали поступать даже письма с вопросами: как быть, что делать?

Бюро ЦК КП Казахстана решило провести повсюду в целинных коллективах общие собрания, честно рассказать о действительном положении дел, подбодрить людей, сориентировать на самые важные в этих условиях задачи, объяснить, что в земледелии год на год не приходится, что и на нашей целинной улице обязательно будет праздник. В то же время я предупреждал тех, кто выезжал на места, чтобы не показывали себя эдакими бодрячками, которым все нипочем. Такова была в тот момент главная задача партийно-массовой работы.

Надо сказать, что после откровенных, открытых собраний, проведенных в каждом совхозе, целинники вновь начинали работать засучив рукава. Как ни жгло солнце, а мы продолжали подготовку к уборке, до глубокой осени вели заготовку кормов. Еще шире и активнее развернули строительство, прежде всего в совхозах. В целинные районы шли продовольственные и промышленные товары в таких количествах, которые гарантировали бесперебойное снабжение на всю зиму.

Мы находили поддержку и помощь в Центральном Комитете партии.

Хочу сказать самые теплые слова в адрес членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, которые много сделали в те годы, чтобы как можно быстрее и успешнее были освоены целинные земли. Я не раз встречался и советовался с ними и всегда получал точные, конкретные ответы на поставленные вопросы, твердую партийную и добрую моральную поддержку.

И мы с уверенностью, несмотря на трудности, продолжали работать в 1955 году. На чем основывалась наша уверенность? Безусловно, каждый из нас был огорчен, видя, что огромный труд, вложенный в землю, не дал желаемых результатов. Однако в ряде хозяйств получен был приличный урожай. Так, совхоз «Ждановский» Кокчетавской области, созданный в 1954 году, собрал с площади 22,5 тысячи гектаров по 7,9 центнера зерна, а совхоз «Рославльский» Алма-Атинской области — по 9,1 центнера с каждого из 20 тысяч гектаров. И таких хозяйств было не так уж мало. Для тех дней неплохие урожаи собрали целые районы и даже области, такие, как Северо-Казахстанская и Кокчетавская. Предстояло тщательно разобраться, что помогло одним все-таки получить хлеб, а других оставило с выжженными посевами. Добавлю, что, несмотря на низкую урожайность в целом, 80 процентов валового сбора зерна республика получила в том году все же с целины. Казахстан вновь заготовил значительно больше грубых кормов, чем до ее освоения, и молока сдал на 85 тысяч тонн, а мяса — на 122 тысячи тонн больше. Силоса, главным образом кукурузного, удалось заложить почти полтора миллиона тонн. Успехи, конечно, скромные, но и они убеждали, что целина уже играет и будет играть все возрастающую роль в увеличении производства зерна и других продуктов сельского хозяйства. Поэтому — работать! Таков был наш лозунг.

Однако неурожай есть неурожай, и он сильно усложнил решение многих вопросов.

В конце 1955 года я был в Москве на Всесоюзном совещании руководящих партийных и советских работников. Неуютно, конечно, чувствуешь себя на таких совещаниях, когда без конца расспрашивают, что да как, или, наоборот, нарочито говорят о постороннем, тем самым выражая скрытое сочувствие. А когда с трибуны совещания я заявил, что Казахстан сдаст государству в будущем году 600 миллионов пудов зерна, зал недоверчиво загудел.

Как изменилось время! Попробуй-ка мы нынче получить с целины 500—600 миллионов пудов в год, казавшиеся тогда большим благом, это было бы воспринято как серьезное поражение. Получаем-то мы теперь в среднем около миллиарда пудов казахстанского хлеба в год!

В Японии, как рассказывает во «Фрегате «Паллада» И. А. Гончаров, губернаторы когда-то головой отвечали за все происходившее на их землях — за тайфуны, ливни, землетрясения. Нашим головам вроде бы ничто не грозило, но после неудачно сложившегося 1955 года на душе оставалось ощущение тяжелой вины за то, в чем не был виноват. Не забыл я этого чувства. И сегодня, бывает, звоню в районы, терпящие стихийные бедствия, чтобы просто руководителей подбодрить. Как-то приглашали меня в Ульяновскую область: «Леонид Ильич, приезжайте, очень хороший хлеб!» А вскоре задул суховей, и все там выгорело. Первый секретарь обкома был, понятно, смущен, расстроен, волновался. Разговор с ним был у меня по обыкновению ровным. Надо было договориться о необходимых мерах, поддержать товарищей.

А в тот бедственный год нам, верившим до конца в успех, было порой трудно доказать свою правоту. Когда на одном из больших совещаний в присутствии Н. С. Хрущева я заявил, что целина еще себя покажет, он довольно круто оборвал:

— Из ваших обещаний пирогов не напечешь!

Но я имел все основания твердо возразить ему:

— И все же мы верим: скоро, очень скоро будет и на целине большой хлеб!

Мы упорно готовились к новой весне. Одно было спасение, одна надежда, одно лекарство — работать. Целинные посевы 1956 года должны были занять уже 27 миллионов гектаров, из них зерновые — 22 миллиона. И снова мне хотелось все увидеть, со всеми встретиться, всюду поспеть...

Ради роста производства зерна, мяса, овощей мы выделяем теперь огромные материальные и денежные ресурсы, о каких в те годы не могли и мечтать. Внедряем новейшую технику, перевооружаем сельское хозяйство, последовательно вводим специализацию и концентрацию производства, принимаем такие комплексные программы, как преображение исконных русских земель Нечерноземья — это сегодня наш передний край.

Однако вот о чем приходится постоянно напоминать: «заднего края» в народном хозяйстве нет. Встречаются еще товарищи, которые готовы орудовать миллионами и миллиардами, а так называемые мелочи упускают из вида. Между тем одна из ключевых задач — это бережное, рациональное использование всего, чем мы располагаем, что произведено в стране. Расточительство недопустимо, и чем больше размах экономики, тем болезненнее сказывается такой нехозяйский подход.

Осознать это довелось еще на целине, и потому не хочу упустить те «мелочи», от которых очень многое зависит в жизни народа. Вот, скажем, совершая большую поездку по Северному Казахстану, приехал я в совхоз «Изобильный» Целиноградской области. Он находился в степной глубинке, на реке Селеты, в живописном, но тогда еще диком месте. Бывал там и раньше, в самом начале, видел первые девять палаток, а в этот приезд увидел уже целый поселок. Стояли многоквартирные жилые дома, столовая, магазин, баня, пекарня, мастерские, контора, гараж. Кроме того, и это было особенно важно, люди построили до восьми десятков индивидуальных домов. Значит, приехали сюда действительно навсегда.

Разговорился с ними, стал спрашивать, в чем нуждаются, как налаживается жизнь. И вот что услышал:

— Бочек нет. Огурцы солить не в чем.

— Поросенок нужен, а где купить?

— Телку хорошо бы завести...

Что тут скажешь, вопросы не пустые. Завозилось на целину много всего. Но вот, оказывается, нужны обязательно бочки. И живность нужна. Причем не только как хозяйственное подспорье. Еще в первый год видел новоселов, которые в одной руке несли чемодан, а в другой — корзинку со щенком или кошкой. В совхоз «Ярославский» приехал из Запорожья парень с петухом в клетке. «Для степи,— сказал мне,— лучший будильник!» Шутил, конечно, но на голой

земле петух всех радовал. Приручали ребята даже сурков, степных птиц.

Можно было счесть это проявлением человеческих слабостей. Но жизнь научила меня понимать их, относиться к ним с уважением. Сам в детстве любил наблюдать, как парит над крышами голубиная стая. Конечно, главным на целине были для нас миллионы гектаров и миллиарды пудов, но надо было помочь людям обзавестись и личными огородами, скотом, птицей. Без этого и миллионы с миллиардами не очень бы вышли. Сельский житель без подворья — что дерево без корней. В те годы нам важно было с самого начала показать людям, что степи мы намерены обжить прочно, навсегда.

Размышляя об этом, я смотрел в поле и вдруг увидел еще одного новосела: по черной пашне, словно придирчивый агроном, вышагивал одинокий грач. А грач, известно,— птица полевая. Раз уж прилетел сюда, значит, намерен обосноваться в этих краях.

Помня о разговоре в «Изобильном», я поднял потом некоторые старые документы. Еще в 1934 году в Казкрайком была послана записка ЦК ВКП(б). В ней весьма широко и решительно ставился вопрос о развитии огородничества как в сельской местности, так и в промышленных районах. В записке, подробной до мелочей, предлагалось оказывать этому делу самую активную и всестороннюю помощь со стороны партийных, советских и государственных органов, а также руководителей колхозов, совхозов и кооперации. И огородничество вскоре развилось, приобрело надежную материальную основу. Но прошли годы, и оно вдруг стало хиреть, сократилось почти наполовину. А между тем картофеля, например, республика получала в два с половиной раза больше с индивидуальных огородов, чем из колхозов и совхозов.

Когда приходилось критиковать иных директоров за то, что они кормят людей одной лапшой да затирухой, то в ответ всегда слышались требования: нет фондов, дайте фонды! Слов нет, на ряд продуктов централизованные фонды надо иметь и для деревни, но какие фонды можно требовать на картошку, капусту, огурцы, арбузы? Все это прекрасно может расти в любом хозяйстве. То же самое можно сказать о яйцах и молоке. Крестьянин испокон веку имел своих кур, торговал яйцами в городе, почему же теперь он должен получать каждое яйцо по нарядам из Москвы?

То, о чем пишу, весьма актуально и поныне. Есть еще немало руководителей, которые только тем и живут, что

надеются на всемогущие фонды, не задумываясь, а где ж их государству взять? В нашей стране надо использовать любую возможность, каждый клочок земли, чтобы всюду увеличивать производство сельскохозяйственных продуктов, иметь «приварок» к нашему общему столу. Бывает, едешь в поезде, а за окном нет-нет да мелькнут засоренные участки, которые вполне бы можно возделать, посеять травы, развести скот. Ведь все это поможет лучше обеспечить население за счет местных ресурсов, а не возить, например, помидоры, огурцы с юга, а яйца, творог, молоко за сотни километров.

Обо всем этом необходимо помнить партийным, советским, хозяйственным органам, руководителям промышленности. Они обязаны развивать вокруг больших и малых городов крепкие сельскохозяйственные базы, иметь специализированные комплексы и подсобные хозяйства, чтобы вдоволь иметь в магазинах картофеля, мяса, молока, зелени, фруктов. Такие возможности есть и в Свердловске, и в Тюмени, и в Иркутске, и в любом другом городе страны. Именно на это мне пришлось вновь обратить внимание местных руководителей во время поездки весной 1978 года по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку.

А в Казахстане еще тогда, в 1955 году, решено было широко развивать огородничество, отвести всем желающим участки, завезти инвентарь, оказать всемерную помощь. Так же поступили с птицей и продажей скота в личное пользование. Не менее важно было создать во всех совхозах подсобные хозяйства. Тут положение сложилось странное: к началу освоения целины число их сократилось в республике чуть ли не в четыре раза. То есть, строя глобальные планы, замахиваясь на большие дела, люди забросили то, что казалось им второстепенным.

«Мелочи» же — тут полезно привести цифры — выглядели так: число коров сократилось в подсобных хозяйствах на 11 тысяч голов, овец — на 280 тысяч, неведомо куда исчезли 3,7 тысячи гектаров бахчевых культур, 5 тысяч гектаров овощей, 11 тысяч гектаров картофеля. Страна жила еще трудно, а мы недополучали огромное количество продукции. Пришлось принимать срочные меры. Выделили средства, земли для подсобных хозяйств, завезли удойный скот, строили парники, птичники, разбивали ягодники, записали их продукцию в планы совхозов и строго требовали с директоров выполнения. Все это было важно и для лучшего снабжения целинников, и для психологического настроя людей, видевших, как налаживается в степи жизнь.

Вспоминая об этом, читая документы тех лет, заметил, как часто упоминал Кургальджинский район. Очень расстроен был тогда его делами и особенно тем, что увидел во время очередной поездки в совхоз «Степняк». Первый раз побывал в этом хозяйстве еще летом 1954 года и застал картину безрадостную. В таких местах с первой минуты чувствуешь неблагополучие: люди ловят любого свежего человека, ходят за ним толпами и жалуются. Ко мне тоже сразу же подошла женщина и заговорила торопливой скороговоркой:

— Товарищ представитель, не знаю, кто вы такой, но поинтересуйтесь, помогите, у нас нет электричества, нет топлива, керосина тоже нет, не на чем готовить. Да и готовить нечего...

Вместе с ней зашел в магазин. Там не оказалось даже соли. Другая женщина, с ребенком, обратилась ко мне не менее взволнованно:

— Товарищ Брежнев, молока нет, манки нет, скажите, чем кормить детей? У вас, наверно, тоже есть дети, вы отец, так помогите.

Вызвал представителя рабкоопа. Он не моргнув глазом заявил, что манки нет всего один день, а у самого глаза бегают, вижу, что лжет. Обещал женщинам разобраться с продуктами, но еще больше меня удивило, почему нет молока. Ведь мы уже тогда дали многим совхозам скот для подсобных хозяйств, в том числе и «Степняку». Потребовали справку, сколько и кому выделили коров, свиней, лошадей, птицы, и успокоились. Но вот по дороге толпа затащила меня в столовую. Сели беседовать.

— Сколько в вашем подсобном хозяйстве коров?

— Полсотни.

— Значит, должно быть молоко.

— Какое там! Они за шестьдесят верст отсюда. На отгоне пасутся.

К этому времени нашли директора Коваленко. Прибежал и с ходу начал жаловаться:

— Прямо беда, Леонид Ильич! Не могу уговорить женщин идти в доярки, никто не хочет коров доить.

— И они у вас на отгоне недоеные?

— Выходит, так.

— И вас не волнует, что дети без молока, что коровы попортятся?

— Как не волнует? Боюсь. Даже под суд готов. Но что-нибудь зроблю... Уже письмо на Украину послал, зову девчат, чтоб выручили.

С ним все было ясно, и я повернулся к женщинам:

— Почему не хотите помочь? Видите ведь, какое положение.

— А детей куда? — затараторили они.— Мы тут все семейные, с детьми.

— Хорошо, а если коров пока по вашим домам поставить, будете за ними ухаживать, доить?

— А как же! И подоим, и в степь выгоним. У нас и мужья могут доить.

— Что же вы, товарищ Коваленко, в тюрьму приготовились, а до простого дела не могли додуматься? Раздайте коров рабочим совхоза, они их и подоят, и детей накормят. Потом и доярки найдутся.

— Не догадался. Зроблю...

Пошли с директором по поселку. Вижу, и строят скверно, лепят дома без фундаментов, кое-как. Разговор у нас состоялся крутой. Честно говоря, я уже не доверял Коваленко, потому что на любое слово он заученно отвечал: «Зроблю, зроблю...» Сказал ему, что обязательно еще раз приеду, все проверю. И вот, приехав во второй раз в «Степняк», был поражен: почти ничего в совхозе не изменилось! Лучше стало снабжение в магазине и столовой, но это был результат прошлогоднего вмешательства. В остальном же Коваленко не ударил палец о палец. Люди по-прежнему мучились даже с водой, хотя еще в тот приезд я сказал директору, чтобы поставил бак на машину и развозил воду по домам — вот и вся проблема. И опять на всякое замечание слышал знакомое:

— Зроблю, зроблю...

Случаи такой, я бы сказал, ошеломляющей беспомощности и равнодушия на целине все же были редки, хотя беспорядков встречалось немало. Работников, столь безобразно относившихся к своим обязанностям, терпеть было нельзя, о чем на ближайшем пленуме Целиноградского обкома пришлось мне специально сказать. Благоустройство — это устройство благ для людей, забота о них. Это всегда не только хозяйственная работа, а прежде всего политика, ошибки в которой дорого обходятся. За ошибки мы всегда излишне расплачиваемся: на войне — людьми, в мирное время — материальными и нравственными потерями.

Утверждение полноценной жизни требовало, чтобы во главе степных поселений стояли люди, болеющие не за один план, но и за все, чем живы люди. В Кокчетавской области я любил, например, бывать в колхозе «Красноармеец». Не толь-

ко потому, что там разумно вели хозяйство, но и потому еще, что пекли удивительно вкусный хлеб. Пожалуй, нигде и никогда в жизни не ел хлеба лучше, чем тот красноармейский — пышный, пахучий. Особенно удавался он в бригаде Петра Ивановича Николаева. «Печем хлеб,— говорил он,— за версту пахнет!» Помню, как-то попросил даже несколько караваев, чтобы угостить товарищей в Алма-Ате и поучить городских пекарей.

Приезжая в поселки, радовался, бывало, каждому хорошему колодцу, каждому бережно посаженному деревцу. Восхищался старательностью, с какой выращивали цветы и деревья рачительные хозяева, и поражался порой равнодушию, с каким смотрят иные люди на облик своего дома, двора и всего поселка.

Ночевал как-то в одной деревне в бывшем Галкинском районе Павлодарской области (забыл, к сожалению, и деревню, и фамилию председателя колхоза, у которого останавливался). Вышел утром за ворота, прошелся по деревне и был немало удивлен. В ней тянулись всего две улицы, но на одной возле домов кое-где стояли деревья, другая же была совершенно голой. В чем дело? И тогда председатель рассказал мне такую историю.

Приехал когда-то в эту деревню из Омска губернатор Степного края, в который входили до революции и нынешние северные казахстанские степи. Приехал и велел каждой семье посадить возле своих домов столько деревьев, сколько было членов семьи. Через три года губернатор вновь заехал в деревню проверить, как выполнен его приказ. Смотрит: у одних домов деревья посажены, у других по-прежнему лишь пыльные пустыри. Губернатор приказал вывести всех жителей на единственную еще в ту пору улицу и поставить каждую семью у ворот своего дома. Затем вручил солдату ремень с тяжелой пряжкой и пошел вдоль улицы. Тем, у кого деревья были посажены, говорил спасибо и давал серебряный рубль. А тем мужикам, что нерадиво отнеслись к делу, приказал ремня всыпать: сколько деревьев не прижилось — столько и ударов. И губернатор при этом покрикивал: «Ты, Василий, норови пряжкой, пряжкой!»

— Вот так и появились деревья на улицах,— закончил рассказ председатель и засмеялся.

Шутки шутками, но бороться за озеленение новых совхозов тоже приходилось уже тогда. И теперь, приезжая на целину и видя, как утопают в зелени совхозные поселки, шумят тенистые парки, цветут яблони и вишни, акации и сирень,

как блестят и манят к себе бесчисленные пруды и водохранилища с неизменными рыбаками на обожженных солнцем берегах,— я с улыбкой вспоминаю историю с омским губернатором.

* * *

Ездить приходилось много — иногда на поезде, чаще на самолете, а иногда в одной командировке чередовать и то и другое. Такое сочетание сберегало немало времени, которого всегда было в обрез. Когда делались длительные остановки на узловых станциях или в областных центрах, вагон служил и гостиницей. В эти пункты заранее посылался самолет, и за день можно было облететь на нем несколько районов или совхозов.

Самолет «АН-2» изготовили в Киеве по специальному заказу. На борту имелась мощная рация, в салоне стояло шесть кресел. Экипаж возил еще с собой раскладушку, которая всегда стояла в хвосте. В остальном это был все тот же знакомый всем работяга «Антон». Для наших передвижений он был незаменим. Летчики выбирали место для посадки с воздуха и могли приземлиться в степи где угодно — у любой борозды, трактора, полевого стана.

Все бы хорошо, но этот воздушный извозчик выматывал основательно. Как-то я притерпелся, но однажды пришлось это все испытать нашим уважаемым актерам Л. П. Орловой, М. А. Ладыниной и Н. А. Крючкову. Они приехали на целину, чтобы порадовать людей своим искусством, а выступать оказалось не перед кем: все были далеко в степи. Пожаловались мне:

— В Кустанае мы уже выступили, но ведь хочется самих целинников увидеть. Помогите, дайте какой-нибудь транспорт.

— Ну что ж, вот мой самолет,— ответил я и обратился к экипажу: — Завтра у меня дела в городе, а вы повозите товарищей по бригадам. Где увидите людей, там и садитесь.

Летчики постарались. За день облетели не то два, не то три района. День выпал ветреный, болтанка была жуткая, актеры вернулись в город едва живые. Крючков, как человек бывалый, вполне держался, но женщинам пришлось туго. Я посмотрел на них и пожурил командира:

— Переборщил, видать, Николай?

— Что вы, они сами требовали. Выйдут из машины, полежат немного под крылом, потом выступят и опять — вези! Очень мужественные женщины...

Я поблагодарил актеров, но заметил, что они уже без утренней зависти смотрели на мой самолет. Случались дни, когда часами приходилось кружить над степью. Как-то командир экипажа сказал мне:

— Думаю, можно вас зачислять в пилоты. Налетали сто часов.

— А норма у летчиков?

— Сто двадцать.

— Ну, в пилоты мне еще рановато.

— Это как считать. Мы ж ненормально летаем.

— Как ненормально?

— Рабочая высота у нас какая? Сто метров. А сколько на бреющем ходим, чтоб выбрать площадку? Нет, в таких полетах полагалось бы час за два считать.

Мне нравился экипаж самолета — командир Николай Моисеев, второй пилот Мубин Абишев и бортмеханик Александр Кругликов. В каких только переплетах не побывала их маленькая машина — «комарик», как они ее называли. В степи, где бывает всего полсотни безветренных дней в году, небольшой самолет почти всегда неистово болтало. Да и на земле ему покоя не было: не раз, чтобы ветер не перевернул, не изломал наш «АН-2», подгоняли груженые самосвалы и привязывали к ним самолет. Летать приходилось круглый год, часто не считаясь с погодой, порой нарушая инструкции. Садились после захода солнца и даже ночью, что на «АН-2» категорически было запрещено. Но дела не согласовывались с инструкцией. Вечные мои спутники были, я убедился, отличными мастерами своего дела.

В ту пору многие летчики уже мечтали о больших скоростях, о дальних рейсах, о реактивных самолетах, наверное, думали об этом и мои пилоты. Но что делать, им досталась другая служба, и они терпеливо и честно ее выполняли. Только раз я видел их крайне озабоченными, даже напуганными. Случилось это, если не ошибаюсь, в совхозе имени Таманской дивизии. Мы прилетели в дальнюю бригаду. Был май, уже вовсю зеленели травы. Погода стояла ясная, внизу стелилась ровная, как стол, степь. Площадку в такой степи выбрать нетрудно. Сели, как мне показалось, спокойно. Однако едва заглох мотор, первый пилот, обычно выходивший из машины после меня, буквально кинулся к выходу:

— Извините...

Я вышел следом и увидел, как он торопливо шел по следу колес самолета, оставленному в траве, и что-то разыскивал. Наконец остановился, замахал руками, закричал,

подзывая трактористов, работавших поблизости. Собралась толпа, я тоже подошел, и Моисеев, бледный и гневный, сказал:

— Смотрите!

В траве в полуметре от следа левого колеса лежала вверх зубьями борона. С воздуха он никак не мог ее заметить и увидел лишь в самый момент приземления. Дело могло обернуться печально. Я едва удержал летчиков, которые готовы были кинуться на бригадира и трактористов. Разумеется, те не могли знать, что именно на этом поле сядет самолет, но борону-то, как и все остальное после полевых работ, должны были убрать, а не бросать где попало. Этот случай наглядно показывает, что бесхозяйственность, расхлябанность всегда стоят на грани преступления.

Когда я уезжал из Казахстана, командир корабля, прощаясь, сообщил мне, что за два года полетов со мной он совершил 480 посадок в степи в самых разных местах. Сообщил с гордостью, и эта его гордость профессионала была мне понятна. Хорошо зная мастерство замечательного пилота, я и позже, будучи уже секретарем ЦК КПСС, когда приезжал на целину, летал только с Николаем Григорьевичем Моисеевым.

Итак, дела наши снова широко развернулись, был все время в пути, спал урывками, обедал где придется. И однажды в Целинограде почувствовал себя плохо. Очнулся на носилках. До этого меня один раз уже доставляли с сердечным приступом из Семипалатинска в Алма-Ату. Пришлось отлеживаться дома, отбиваясь от врачей, которые норовили упечь меня в больницу. Отшучивался: мол, к вам только попади — залечите. А главное, времени не было болеть. Целина нагромождала множество новых дел и забот — трудных, порой запутанных и всегда неотложных.

Битва за хлеб вступала в решающую стадию.

11

Хотел бы вкратце остановиться на нашей агротехнической политике на целине. Все ли было безошибочно в нашей работе? Нет, этого сказать не могу. Знали ли мы, что идем в зону особенно рискованного земледелия? Да, знали и готовились к этому заранее. Слышали ли предостережения ученых, что сплошная распашка может превратить степи в бесплодную пустыню? Конечно, слышали и учли. Агротехническая политика партии на целине сводилась, если сказать

коротко, к тому, чтобы до минимума свести отрицательные последствия вмешательства человека в первозданную природу степи, утвердить здесь самую высокую культуру полеводства, а затем и создать систему земледелия, хорошо приспособленную к засушливой зоне. Но какой она конкретно будет, мы поначалу не знали и знать не могли.

Дорогу осилит идущий — есть такая хорошая восточная пословица. Еще до революции В. И. Ленин писал:

«Русский рабочий класс завоюет свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибок революционными действиями — и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия».

Безошибочность бездействия — метко! Проще всего было оставить кладовую природы нетронутой, тут уж точно не будет просчетов. Но мы пришли в эти древние степи, глубоко веря в могущество человеческого разума. Убеждены были, что в ходе огромной, важной для народа работы на целине найдем средства сохранить плодородие земли. И с первых шагов эти новые средства искали.

Довольно быстро ликвидировали весеннюю предпосевную вспашку, имели в основном только майские и июньские пары и зябь, ввели посевы кулис, организовали снегозадержание, не упускали из виду надежный паровой клин, словом, делали все, чтобы решить главную задачу земледелия в засушливой степной зоне — сохранить влагу в почве. Разобрались и со сроками сева, хотя это было непросто. Сейчас никто на целине не сеет раньше второй половины мая, это стало азбучной истиной. А тогда... «Сей в грязь — будешь князь!» — повсюду повторяли эту старую, привычную присказку. На ранних сроках целинного сева настаивали и некоторые ученые.

Были, однако, другие точки зрения, и уже опыт первого года показал, что засеянные в мае массивы дали отличный хлеб. Что тут сказалось — свежая сила земли или поздние сроки сева? В 1955 году поздних посевов стало намного больше, и они явно лучше выдержали засуху. Казалось бы, все ясно, но споры продолжались, особенно трудно было убедить старожилов. В том же колхозе «Красноармеец» бригадир Николаев, угощавший меня вкусным хлебом, так закончил беседу на эту тему:

— Попробуем, конечно, но вы не представляете, как трудно будет удержать наших мужичков. Они ведь как увидят, что можно затащить борону на пашню, так сразу и сеют — бегом! Привыкли...

Как бы то ни было, а к весне 1956 года уже во многих новых хозяйствах ранний сев считался таким же чрезвычайным происшествием, как еще недавно поздний. Но прежние привычки еще сильно сказывались. Первый секретарь Есильского райкома партии Анатолий Родионович Никулин — отличный работник, ставший на целине Героем Социалистического Труда,— однажды рассказал мне в Москве, как один из директоров новые сроки сева у них все-таки нарушил.

— И кто, вы думаете, отличился? — Никулин назвал фамилию директора совхоза.— Первомай еще не отпраздновали, и вдруг влетает этот «чемпион» в райком: «Товарищ секретарь, совхоз сев закончил!» Рука у виска, сапогами по-военному щелк. Я аж в кресле подпрыгнул: «Дурья твоя голова! Зачем спешили?» Хотели, мол, быть первыми в районе. «Так ведь не будет у тебя хлеба-то!»

Так и вышло: район собрал по шестнадцать центнеров с гектара на круг, а «передовик» — всего по шесть. Дело давнее, товарищ работал после того случая, не жалея себя, потому и не называю его фамилии. Но как же неистребима эта привычка — отрапортовать, да обязательно первым, а там хоть трава не расти. Вот она, бывает, и не растет.

Замечу, что порой случается еще хуже: пахоту проведут хорошо, посеют в срок, а после на стадиях уборки, транспортировки, хранения, переработки теряют чуть ли не треть добытого. Борьба с потерями — это сейчас один из главных резервов в сельском хозяйстве. Вполне очевидно, что для сбережения уже произведенной продукции нужно значительно меньше усилий и средств, чем для ее производства. Значит, такой путь выгоден, отвечает курсу партии на повышение эффективности, а главное — отвечает интересам народа.

С особым уважением отношусь к людям, которые спокойно, без суеты и шума ведут свою линию в сельском хозяйстве, видя всегда конечную цель. Пересматривать на целине из агротехнических приемов приходилось многое. Например, не меньший интерес, чем сроки сева, представляла для нас глубина заделки семян. Не случайно, как оказалось, вся Кокчетавская область лучше других выстояла засуху 1955 года. Еще во время сева, будучи в совхозе «Ждановский», я заметил, что семена заделываются как-то непривычно глубоко. Секретарь обкома М. Г. Рогинец опять объяснил «один пустячок»:

— Наш агроном считает, что сеять надо на глубину не три-четыре сантиметра, как положено по целинным агроправилам, а на шесть или даже восемь.

— Да ведь так только кукурузу сеют.

К сожалению, не запомнил фамилии того агронома, но объяснения его помню:

— Я, Леонид Ильич, еще в прошлом году имел опытные участки с такой глубиной заделки. Никакого сравнения! Секрет простой: верхний слой почвы здесь быстро высыхает, не успеет растение пустить корни, как почва сверху трескается и разрывает их. У нас же, пока просохнет земля, корни развиваются крепкие, берут нижнюю влагу, а там и дожди подоспеют.

Двое суток наблюдал я новый способ сева. Из «Ждановского» слетали мы с этим агрономом в «Черниговский», потом в другие совхозы, перестраивали сеялки, ползали в бороздах, до заусениц обдирали пальцы, проверяя, как ложатся семена... Действительно, когда задул суховей, посевы в этих хозяйствах дольше всех держались зелеными островами среди выгоревшей степи — дело было стоящее. Теперь на целине в отличие от других мест семена заделывают на глубину до восьми сантиметров, это стало привычным агроприемом.

Так крупица за крупицей копился опыт. Но вместе с удачами появлялись новые беды. Предсказание ученых о возможности ветровой эрозии начало сбываться. Помню, как в Павлодарской области вместе с секретарями райкомов Д. А. Асановым и И. Ф. Кабурнеевым увидел первые смерчи над полями и песчаные переметы на дорогах. Грозной оказалась черная буря, дышать было тяжело. А вскоре полезли из земли еще и сорняки.

Все это побудило меня съездить в Курганскую область, в колхоз «Заветы Ленина» — к Т. С. Мальцеву. Терентий Семенович показал ровные, без единого сорняка посевы пшеницы, а потом стал рассказывать. Этот человек обладает большой силой убеждения, секрет которой — в многолетнем опыте, народной мудрости и преданности земле. Говорил коротко, афористично:

— Отвальный плуг — главный враг степного земледелия. Мою систему стоит у вас примерить. Но, может, придумаете что-нибудь покрепче, поновей?

— Максимально уменьшить количество обработок почвы! Поднимайте целину, но потом как можно меньше ее трогайте.

— Пары — вот главное условие степных урожаев. Не получите хлеба, если останетесь на целине без них.

— Сорняки пошли? Следовало ожидать. Пока кое-где уже получают заовсюженную пшеницу, а потом получат и запшениченный овсюг. Иные растерялись: дескать, силен овсюг,

что с ним делать? А он сорняк, наоборот, хлипкий. Он силен, когда хозяева плохи. Хорошо, что позже сеете. Подождать надо, спровоцировать овсюг и уничтожить. Потом уж сеять. Нервы надо крепкие иметь. У кого нервы слабые, тому в полеводстве делать нечего...

Многое стало мне ясно. Но коли так, спросит читатель, то почему полезный опыт не распространялся мгновенно по всей целине? Отвечу: есть более страшный враг для земли, чем плуг и сорняк,— это навязывание ей всевозможных «рекомендаций». Слишком много их было и слишком дорого они стоили стране, чтобы не понять: команды сельскому хозяйству по самой его природе противопоказаны. И хотя, сознаюсь, очень хотелось порой «ускорить» и «нажать», я себя от этого удерживал. Надо было дать людям самим во всем разобраться, чтобы выработался коллективный опыт.

Разумеется, просил журналистов шире освещать достижения лучших совхозов, организовывал семинары, проводил совещания в ЦК. Важнейшим делом мы считали развертывание сети научных учреждений, ставили перед ними задачу изучить отечественный и мировой опыт, найти надежные методы борьбы с эрозией почвы. Не могу не сказать о большой работе ученых во главе с А. И. Бараевым, ныне лауреатом Ленинской премии. Помню, как настойчиво он доказывал важность «малого орошения» — паров. И не случайно почвозащитная система земледелия родилась впоследствии именно на казахстанской целине.

Пары мы старались всячески отстаивать. Приведу один любопытный документ. В моем кабинете шло совещание специалистов, было это 9 июня 1955 года, в самую засуху. Жара стояла страшная, горели поля, а разговор приходилось вести о будущем — о плане развития сельского хозяйства Казахстана на целое пятилетие. Вот часть стенограммы, показывающая, как ставился тогда вопрос:

«Тов. Мельник (министр сельского хозяйства республики): Теперь о севообороте. В связи с вводом миллионов гектаров целинных земель нам предстоит большое количество пашни отводить под пары. Три года мы обязаны и будем эти новые земли засевать пшеницей по пшенице, но на четвертый год начнем их пропускать через пар. Если пропускать лишь по полтора миллиона гектаров в год, как это предлагается, то к 1960 году мы внедрим пары лишь на шестой части всей пашни. С точки зрения агротехники, это очень плохо. Даже если мы до 1960 года найдем еще миллиона два гектаров целины для расширения пашни, все равно нам необходимо

несколько уменьшить в нынешних расчетах на 1960 год количество пашни под зерновыми. Только так мы можем обеспечить культурное ведение земледелия. И сделать это надо во что бы то ни стало. Иначе мы землю покалечим в первый же оборот.

Тов. Брежнев: Кто спорит с этим?

Тов. Мельник: Спорит постановление ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров республики, где записана другая цифра по зерновым. Речь идет о том, чтобы изменить это ранее принятое решение, ибо, когда оно вырабатывалось, многое мы не могли еще точно учесть.

Тов. Брежнев: По парам надо бы все более ясно изложить. Я вижу, что мы зашли в известный тупик. Это в связи с тем нашим постановлением?

Тов. Мельник: Да, оно нас связывает.

Тов. Брежнев: Надо исходить из хозяйственной целесообразности. Должен быть серьезный, трезвый расчет, продиктованный условиями ведения хозяйства. Уже сейчас чувствуется, что мы должны залезать в зону меньшего увлажнения, на земли худшего качества. Думаю, условно можно принять, что еще пару миллионов гектаров мы найдем. Но как быть с валовым сбором? Не много ли вы берете под пары?

Тов. Мельник: Нет, не много. Все взвешено, согласовано с областями.

Тов. Арыстанбеков (зам. министра совхозов республики): Надо довести количество паров до 16—18 процентов, тогда мы сможем выдержать предложенные задания.

Тов. Брежнев: И все же что получается? Если мы в среднем по республике станем иметь, скажем, 17 процентов паров, то необходимого валового сбора не будет? Учтите, в отношении валового сбора Казахстан находится в исключительном, особом положении. За этим партия, правительство будут строго следить. Крутить то так, то этак мы не можем. Пары необходимо иметь, но сколько? Сколько их было до начала освоения целины?

Тов. Андрианова (начальник управления науки Министерства сельского хозяйства республики): В 1940 году было 18 процентов. Для нашей зоны пары — это основа земледелия. Кроме того, хочу сказать о многолетних травах. Я имею в виду районы, подверженные ветровой эрозии. Там мы должны пойти на севооборот с более длительной ротацией и ввести травы как закрепитель почвы. В расчетах этот момент не учитывается. Надо наряду с мальцевским севооборотом иметь и севообороты с многолетними травами.

Тов. Брежнев: Дело хорошее... Но какая люцерна будет в этом году, скажем, у павлодарцев? Ни трав, ни закрепления.

Тов. Андрианова: Там травами не занимаются, а придется. Иначе в области эрозия будет такой, какой она нигде не была. Ветровая эрозия станет у нас страшным бичом, если уже сейчас не начнем защищаться. Эти меры следует отразить в наших планах и расчетах на пятилетие.

Тов. Брежнев: Согласен с вами. Очевидно, в нашей записке в ЦК КПСС и в правительство надо прямо указать, что производство зерна в республике достигнет такого-то уровня и затем остановится на нем. Это вполне понятно. Мы освоим за два года 18 миллионов гектаров, три года будем сеять пшеницу по пшенице, а дальше так не может продолжаться. То, что мы записали ориентировочно раньше, это была волевая цифра, это было наше пожелание. В дальнейшем мы сможем подняться до намеченного рубежа путем дополнительного ввода целинных массивов, а не путем хищнического использования земли.

Тов. Мельник: Времени для составления записки осталось мало, всего два-три дня.

Тов. Брежнев: Пусть секретарь ЦК Фазыл Карибжанович Карибжанов возглавит это дело, соберет у себя всех вас, и готовьте страницу за страницей день и ночь.

Тов. Мельник: Тогда придется министерство закрыть на замок.

Тов. Брежнев: Это такая работа, которая стоит всего чего хотите. Сделайте записку короткой, легко читаемой. Только цифры и выводы. Не усложняйте, не мудрствуйте, все должно быть четко и ясно».

Записка была составлена и послана в Москву. Время показало, что наши расчеты были верны.

В феврале 1956 года на XX съезде КПСС я мог с гордостью доложить партии, что дело подъема целины увенчалось успехом. За два года посевные площади в республике были доведены до 27 миллионов гектаров. Под зерновые отводилось 23 миллиона, из них 18 миллионов гектаров под пшеницу — вчетверо больше, чем до освоения новых земель. От имени всех целинников я заверил съезд, что Казахстан может давать по миллиарду и больше пудов зерна.

Не считая, однако, что все завершено и сделано, что все трудности уже позади, далее сказал:

— Партийная организация Казахстана учитывает, что теперь, когда в республике посевные площади доводятся до

27 миллионов гектаров, главным нашим резервом в дальнейшем увеличении производства зерна является повышение урожайности. Здесь у нас имеется еще много недостатков. В связи с освоением целинных земель неотложным делом является разработка системы ведения хозяйства с учетом местных особенностей каждого колхоза и совхоза, чтобы обеспечить наилучшее использование земель и сохранение плодородия почвы. Это большая и сложная работа. Мы просим, чтобы Академия наук СССР, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина, Министерство сельского хозяйства и Министерство совхозов СССР помогли нам в этом важном вопросе, с тем чтобы великое дело освоения целинных земель успешно довести до конца.

В 1956 году пробил звездный час целины. Урожай в казахстанских степях был выращен богатейший, и вместо обещанных 600 миллионов республика сдала государству миллиард пудов зерна. И я был по-настоящему счастлив, когда в том году Казахстану вручили первый орден Ленина за первый миллиард пудов целинного хлеба. За тот самый первый миллиард, создавший прочный авторитет целине, который потом не смогли уже поколебать ни удары стихии, ни волевые решения, усугублявшие действие этих ударов.

К сожалению, мне не удалось увидеть самому тот богатырский урожай, в который было вложено столько сил. На XX съезде я вновь был избран секретарем ЦК КПСС.

Вечером в гостиницу «Москва», где остановился тогда, зашли поздравить меня Кунаев, Сатпаев, Журин, Макарин и другие казахстанские товарищи. Расставание вышло суматошное, доброе и какое-то печальное. Они уже торопились домой, я думал о новой работе. Но, хочу сказать, грустно было прощаться с друзьями, с полюбившейся степью, с дорогими и близкими мне людьми — целинниками.

12

К счастью, расставание это оказалось для меня недолгим. Целина, ставшая в моей жизни столь дорогим и важным периодом, всегда волновала, тянула меня к себе. И вот после некоторого перерыва, связанного с другой моей работой, я вновь вернулся к заботам целины. И одним из многих моих дел на посту Генерального секретаря ЦК КПСС была поддержка почвозащитной системы земледелия на целине,

разработанной советскими учеными во главе с А. И. Бараевым. Теперь эта система внедрена, и она защитила целину от ветровой эрозии. Мы сумели в короткие сроки применить ее на огромной территории, в том числе и в других степных зонах страны, подкрепив рекомендации науки технической вооруженностью.

Я постоянно занимаюсь целиной и сейчас, часто бываю в Казахстане и могу сказать, что вижу теперь там воплощенной в жизнь свою мечту и мечту сотен тысяч целинников.

Безусловно, в целинных степях сделано еще далеко не все, резервы остаются огромными. Но это особый разговор. Я же хочу сказать об уже достигнутом, которое и радует, и впечатляет.

Подъем целины в Казахстане явился не только крупнейшей, но и экономически выгодной акцией. Приведу цифры, доказывающие это. Казахстан продал за минувшие двадцать четыре года государству более 250 миллионов тонн зерна — это 15,5 миллиарда пудов! Вместе с тем с 1954 по 1977 год включительно все затраты на сельское хозяйство республики — подчеркиваю: на всю отрасль, а не только на целину — составили 21,1 миллиарда рублей. А налога с оборота от продажи хлеба за эти годы получено 27,2 миллиарда рублей, то есть страна получила 6,1 миллиарда рублей чистой прибыли. При этом надо иметь в виду, что в казахстанских колхозах и совхозах общая стоимость основных и оборотных фондов составляет сегодня 15 миллиардов рублей. Итак, все труды и затраты в максимально короткий срок окупились и дали прибыль. Вот с каким хорошим результатом выиграно самое впечатляющее в хозяйственной истории человечества сражение за хлеб! Богатырской оказалась древняя степь. Преображенная трудом человека, она придала устойчивость всему нашему сельскому хозяйству, обеспечила гарантию получения зерна в необходимых размерах. И эта земля набирает силу.

Поднимитесь на самолете над степными просторами. Вы увидите не только хлебные нивы, но и ленты асфальтированных дорог, поселки, железнодорожные пути, линии электропередач, корпуса элеваторов, крупные заводы, фабрики, города. Все это вызвал к жизни в бывшем ковыльном краю могучий целинный хлеб.

Вспоминаю, например, каким был Акмолинск, когда впервые его увидел. Низкие глинобитные домики, узкие улицы, восемьдесят тысяч жителей... А теперь? В городе, получившем имя Целиноград, втрое больше народу, он едва ли не весь обновлен, перестроен, в нем десятки промышленных

предприятий, четыре вуза, пятнадцать техникумов, где только за три последних года подготовлено свыше двадцати тысяч специалистов.

Целина дала мощный толчок развитию производительных сил Казахстана, росту его экономики, науки, культуры. Появились крупнейшие промышленные узлы, выросло девяносто новых городов, в том числе известные всей стране Рудный, Экибастуз, Ермак, Кентау, Аркалык, Шевченко. Республика добывает и производит уголь и нефть, чугун и сталь, цветные металлы, минеральные удобрения, новейшие станки, машины, тракторы. И никого уже не удивляет, что в некогда отсталом Казахстане пущен реактор на быстрых нейтронах.

В созвездии братских республик ныне еще ярче засияла звезда Казахстана. Развитие республики шло годами и пятилетиями, но обсуждалось все, задумывалось, «заваривалось» значительно раньше. Многие черты современного облика этой земли наметились уже тогда, почти четверть века назад, когда в моем кабинете в ЦК все чаще собирались ученые, изыскатели, плановики, проектировщики, что также требовало внимания, времени и сил.

Надо ли говорить, как я счастлив теперь, видя: образовался в этом краю гигантский аграрно-промышленный комплекс, влияние которого мощно сказалось на развитии всей экономики страны. А целинная эпопея на этой земле еще раз показала всему миру благороднейшие нравственные качества советских людей. Она стала символом беззаветного служения Родине, великим свершением социалистической эпохи.

Леонид Ильич

БРЕЖНЕВ

ЦЕЛИНА

ИБ № 2335

Сдано в набор 31.10.78.
Подписано в печать 01.11.78.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Услови. печ. л. 4,2. Учетно-изд. л. 4,88.
Тираж 2 000 000 (1 000 001 — 2 000 000) экз.
Заказ № 3381.
Цена 20 коп.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
типографии «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с матриц в типографии № 2
ордена Ленина комбината печати
издательства «Радянська Україна».
Киев, Анри Барбюса, 51/2. Заказ 1438.

20 коп.